

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ДОЖДЬ ИЗ
ВЫСОКИХ
ОБЛАКОВ

Сергей Алексеев

Дождь из высоких облаков

«Алексеев Сергей»

2007

Алексеев С. Т.

Дождь из высоких облаков / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2007

Все люди разные: одни рождаются воинами, другие – мирными «травоядными». Но загнанный заяц порой становится сильнее волка... Успешной столичной журналистке трудно поверить в иную реальность, где правят совсем другие ценности и интересы. Еще вчера Надежде казалось, что самое сложное – понять, с кем идти по жизни. Рядом три достойных мужчины: коллега, любящий ее много лет, верный поклонник, ставший богатым и знаменитым, и новый знакомый, о непростой и опасной работе которого она может только догадываться. Их пути пересекаются в одной точке, их планы нарушает чужая безжалостная воля. Оказывается, и в центре благополучного мегаполиса можно жить по законам военного времени. И теперь мирным людям придется попробовать на вкус «молоко волчицы», чтобы ответить на удар террориста и спасти родного человека... Влюбленным, а значит, верящим в чудо посвящает Сергей Алексеев свою новую книгу.

© Алексеев С. Т., 2007

© Алексеев Сергей, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ДОЖДЬ ИЗ ВЫСОКИХ ОБЛАКОВ

*Влюбленным
а значит, верящим в чудо —
посвящается*

Часть первая

БОИ БЕЗ ПРАВИЛ

Глава 1

День рождения Артемки отмечали на даче Марины.

Выдался яркий осенний вечер, на солнце было совсем тепло. Надежда, игравшая с именинником в бадминтон на лужайке, разогрелась и стянула вязаную кофту, оставшись в легкой маечке.

– Надя, какая ты красивая! – вдруг изумился Артемка, любуясь ею. – И что я раньше этого не замечал?

– Наверное, сегодня ты повзрослел, Артемка. – Надя подбросила и поймала волан. – Сколько тебе исполнилось?

– Мало, – серьезно сказал он, щурясь от солнца. – Всего шесть лет...

– Это уже много! Ну, давай дальше играть!

– Нет, Надь-Надь, погоди! – Мальчик подманил ее ракеткой. – Давай с тобой договоримся.

– О чем? – Она подошла, присела возле него на нагретую траву и приготовилась слушать.

– А вот о чем. – Артемка взволнованно огляделся и зашептал: – Давай договоримся...

Когда я вырасту большой, то женюсь на тебе!

– Женишься? – весело изумилась она.

– Ну да! Потому что ты такая красивая!.. Только ты меня жди и замуж ни за кого не выходи!

– Хорошо, я согласна... Значит, ты мне делаешь предложение?

– Какое предложение? – смешно наморщил лоб Артемка.

– Ну, когда мужчина хочет жениться, он делает предложение своей невесте, – принялась объяснять Надежда. – Предлагает руку и сердце. Так заведено.

– А, ну, значит, я предлагаю! – нашелся именинник. – Предлагаю тебе жениться на мне. То есть нет! Я на тебе женюсь!

– Договорились, – сдерживая улыбку, кивнула она. – Только мне придется очень долго ждать, когда ты вырастешь.

– Ну и что!

– Пройдет много лет, я состарюсь. И перестану тебе нравиться.

– Нет, никогда не перестанешь! – крепко обнял он ее за шею. – Потому что ты такая красивая и хорошая-хорошая! – И вдруг с новым вопросом внимательно заглянул ей в глаза: – Надь-Надь! А тебе сколько лет?

Марина, слышавшая издали заговорщиков, шла к ним и улыбалась.

– Много уже, Артем. – Надя переглянулась с подругой. – Целых двадцать семь!

– Это что за нежности? – нарочито строго спросила Марина. – И что за «Надь-Надь»? Нужно называть «тетя Надя»!

– Только ты маме ничего не рассказывай! – громко прошептал Артем. – Это тайна!

– И кто же у женщины спрашивает возраст, Артем? – продолжала та журить сына. – Ну-ка, давай беги к отцу носить дрова. Он там баню топит.

– Мы с тобой договорились! – Артем погрозил пальцем и умчался.

– У тебя уже жених вырос, – грустно пошутила Надежда, провожая Артемку взглядом. – Предложил мне выйти за него замуж. Говорит: «Ты такая красивая!»

– Поздравляю! – И обе рассмеялись, но тут же сделали серьезный вид – за кустами мелькнула Артемкина рожица.

– Ты и правда сегодня красивая, – подтвердила Марина. – Димка у меня спрашивает: «Что это с ней?»

– Неужели заметно? – усмехнулась Надя. – Чудеса... Я поеду, Марин, уже вечер.

– А баня?!

– Ну не обижайся! Понимаешь, завтра у меня важный и насыщенный день. Надо пораньше лечь. Я и так все время не высыпаюсь.

– Школьный товарищ? – угадала закадычная подруга.

– Да... И остался у меня один школьный товарищ. Завтра намерен показать мне свой образ жизни.

– Надо полагать, у него... своеобразный образ.

– Не знаю. – Надежда нехотя поднялась, подобрала кофту. – Но представляю... Какие-нибудь скачки, казино, ночные клубы. Куда еще богатые ходят?

– Тогда пойдем, выпьем на посошок? – Марина обхватила ее за плечи и повела к беседке, где был накрыт стол. – Знаешь, мне показалось... Ты слишком жестко с ним обращаешься. Будто на коротком поводке держишь...

Она налила шампанского в бокалы.

– Сэр Дюк у меня с пятого класса носит портфель.

– Сэр Дюк?

– Это у него школьное погоняло. А фамилия – Сердюк...

Марина звонко расхохоталась:

– Значит, ты будешь Сердючка?!

– Скорее, он Петров, – сухо отрезала Надя. – Ну, давай, за моего жениха, Артема Дмитриевича!

Они чокнулись и выпили.

– Он похож на сэра, – заключила Марина. – Такой важный... А танцор твой с зонтиком не объявлялся?

– С апреля ни звука. Даже не звонит...

– Все-все, про танцора не будем, – поспешила закрыть болезную тему подруга.

– Вчера ехала с работы, – вдруг задумчиво проговорила Надя, – одна в маршрутке... И впервые ощутила страх одиночества.

– Еще чего! – вскинулась Марина. – Ей со всех сторон предложения сыплются, а она про одиночество!

– Дома не могу ночевать... Так страшно бывает!

– Здрасьте, приехали! Ты что, совсем?

– Особенно когда за стеной плачет ребенок. А он почему-то плачет каждую ночь.

– Знаешь что, дорогая? – строго сказала Марина. – Иди к своему другу Крикалю, бери отпуск и мотай в Турцию. Можешь со своим сэром, на поводке.

– Это не интересно.

– Езжай одна! Я была в Турции – во! Правда, мужчин там нет, одни самцы, ну и черт с ними. Зато голова пустая и никаких тебе забот! Все время чувствуешь себя женщиной! А как на тебя смотрят!

– Надо перевезти с дачи папу, – глухо, будто не слыша ее, продолжала Надежда. – А то он в последний раз вместо стихов карты заказал.

– Какие карты?

– Географические. Причем крупномасштабные. Не иначе как опять куда-то собрался... Надежда тряхнула головой, подняла бокал.

– Ладно, ухожу по-английски! Диме привет и моего женишка поцелуй!

Она допила шампанское, сняла сумочку со спинки стула, беспечно забросила за спину.

– Привет, подруга!

И пошла – по дорожке, за калитку, через поле – прямо на заходящее солнце.

Марина долго смотрела из-под руки ей вслед, пока силуэт не растворился в тревожном по-осеннему солнечном свете.

Прибежал Артемка, недоумевающе огляделся.

– Мам! А где Надя?

– Вон там. – Она указала на солнце. – Помаша ей рукой.

Артем щурился, прикладывал ладошку козырьком – рассмотреть ничего не сумел, но старательно махал рукой...

Надежда сидела у окна в полупустом вагоне электрички. Солнце прыгало по горизонту, по крышам домиков и деревьям.

Она набрала по сотовому номер, не поднося к уху, услышала механический голос – выключен или находится вне зоны...

За окном мельтешила Москва, вокзальные здания, поезда.

Электричка остановилась. Надежда вышла на Ярославском вокзале, прошла через турникеты, остановилась на площади.

Шум, суета, синий московский вечер.

Снова позвонила, заговорила в трубку:

– Пап? Привет! Я к тебе сейчас приеду... Нет, ничего не случилось. Просто соскучилась.

Выключила телефон и медленно двинулась в сторону Казанского.

Там побродила немного вдоль киосков, остановилась возле одного, где продавали атласы автодорог и географические карты. Постояла, подумала и решительно направилась в здание вокзала.

Обстановка в комнате Ивана была совсем не домашняя – скорее она служила продолжением его рабочего места в Останкино: стены в плакатах и фотографиях, компьютерная и видеотехника, кучи кассет, бумаг, книг – и во всем этом царил полнейший беспорядок. Впрочем, как и в душе самого журналиста. Он кому-то звонил и одновременно что-то искал, то и дело оглядываясь на дверь. Не найдя, вконец обессиленный, он сел в кресло и задумался, не заметив, как в комнату тихо вошла его двенадцатилетняя дочь Рита. Она спрятала что-то в раскрытую дорожную сумку, валявшуюся у порога, вздохнула по-женски, явно копируя мать, затем осторожно приблизилась и обняла отца. Тот чуть вздрогнул от неожиданности, ожил.

– Рита, ты это чего?

– Да так, взгрустнулось... Ты завтра на работу?

– Выходной – понятие относительное. – Иван посадил Риту на колени. – Крикаль требует.

– Этот Крикаль опять погонит в командировку?

– Не знаю... Мама не звонила?

– Звонила. Она сейчас в бассейне. Ты что, забыл? У нее в это время бассейн, а потом фитнес.

– Нет, я не забыл...

– Для того чтобы плод развивался нормально, маме все это необходимо. Только в солярии загорать нельзя. Не ложиться же ей на сохранение, правда?

– Какая ты у меня умница, Ритуля. – Иван погладил ее по голове.

– Никогда не говори так! – строго потребовала девочка. – Когда женщину называют умницей, подчеркивают ее глупость.

– Ой! Прости! Больше не буду!

– И еще мы с мамой сегодня в церковь идем. Знаешь, есть такой храм, «Утоли моя печали» называется. На...

– Знаю, – настороженно отозвался он. – И что вы там делаете?

– А что делают в храме, папа? Подумай, как здорово он называется – «Утоли моя печали».

– Правда здорово...

– Сдай белье в стирку, – продолжила Рита со вздохом. – На всякий случай соберу тебе сумку.

– Спасибо, друг. – Отец потрепал ей волосы. – И что бы я без тебя делал?

– Ну ладно, мне некогда. – Рита решительно высвободилась. – Давай разбирать. Я тебе помогу.

Он помедлил, нехотя согласился:

– Ну давай...

Плутовка, дожидаясь, встала рядом, а Иван поставил сумку на стул, раскрыл ее и остолбенел.

– Это тут откуда? – Он вынул компьютерный мини-диск.

– Ты же его искал? – серьезно спросила Рита, очень довольная эффектом.

– Искал... Где ты взяла?

– У тебя на столе. Спрятала, чтоб мама не увидела.

– А ты знаешь, что здесь?

– Ну разумеется. Потому и спрятала.

– Ты у меня самый лучший друг.

– Ладно, пап, давай разбирать сумку. У тебя, наверное, там белья накопилось. И все опять порохом пропахло.

Иван убрал диск в карман и вытащил большой пакет.

– Вот, отдельно складывал. Можешь вытряхнуть сразу в машину.

Рита по-хозяйски заглянула в пакет, что-то там перебрала и сокрушенно покачала головой:

– Горе мне с тобой... – Она достала колпачки. – А это что?

– Это? Колпачки от подствольного гранатомета.

– Зачем?

– Мы из них водку пьем. Вместо рюмок.

– А термос почему здесь?

– Он же пустой!

– Да, мужская логика. – Она поволокла пакет к двери. – Позвони маме, а то я в музыкалку убегаю. У детей тоже выходных нет.

Иван задумчиво постоял, затем прикрыл дверь, взял диск и сел к компьютеру.

На мониторе возник кадр за кадром: яркий, солнечный день, берег Баренцева моря, ветрено, военные корабли на рейде, на горах еще снег, а Надежда в купальнике идет по каменистой отмели. Она что-то собирает, ракушки или камешки, убегает от волны, потом оглядывается на камеру, смеется и манит рукой.

Минуты тревожного и одновременно беззаботного счастья...

Надежда вышла на платформе «Соколово» уже в темноте, спустилась по ступеням и торопливо побежала к мерцающим деревенским огонькам.

Навстречу, как на пружинках, выкатился развеселый фокстерьер, с разбега запрыгнул на руки и полез «целоваться». Она утихомирила его восторженную страсть и понесла на руках, как ребенка.

Во всех окнах дома горел свет. Надежда вошла во двор, поднялась на крылечко и шагнула в двери.

– Добрый вечер, это мы!

За верстаком в углу просторной и типично дачной комнаты стоял длинноволосый, седой, но еще крепкий и высокий старик с аккуратной белой бородой – отец Надежды, Игорь Александрович. Резинка очков, поднятых на лоб, перехватывала его волосы, отчего он походил на былинного кузнеца, а на верстаке перед ним была закреплена длинная, сучковатая палка с изогнутым концом, которую он любовно обрабатывал широким резцом.

Отец не сразу поднял голову, молча кивнул, не отрываясь от работы. Надежда спустила на пол собаку, сняла кожаный плащ и, умывая руки под деревенским рукомойником, обратила внимание на стол: напротив друг друга два использованных чайных прибора, две тарелки с вилками, хлебница, заварник – в общем, неубранная и немытая посуда.

– Кто в гостях был? – полюбопытствовала Надежда. – Михаил Михайлович?

– Нет, – односложно отозвался отец, хотя глаза его вдруг загорелись. – Ты не знаешь этого человека... Свершилось чудо! Вернулся Харламов.

– Это кто? – между делом спросила она, разбирая возле холодильника сумки с продуктами. – Хоккеист?

– Наш техник-геолог... В общем, из той жизни. Мы считали, они погибли, вместе с Кравченко. С Таней Кравченко... А они оба живы! Я глазам не поверил...

– Здорово, – буднично обронила она, просто чтобы поддержать разговор.

Отец это понял и сразу же потерял интерес.

– Пленки напечатала? – скучно спросил он.

– Ой! – Надежда вынула пакет. – Отдавала своим на студии... Там на всех кадрах только радуга.

– Да...

– Красиво, конечно. – Она перебрала фотографии. – А почему ты снимаешь только радугу?

– Нравится...

Надежда положила пакет на верстак.

– Знаешь, пап, я вспомнила... Когда была совсем маленькая, мы с тобой ходили по полю и искали место, откуда начинается радуга.

Отец оставил молоток и резец, оперся о верстак.

– Неужели помнишь?

– Помню. И один раз нашли. Радуга начиналась возле стога сена.

– Молодец...

– А почему ты мне не разрешил войти в нее?

– Там было сыро. А ты и так промокла.

Дочь собрала посуду в тазик, налила из чайника воды и принялась мыть. И вдруг заметила на краю стола листок бумаги, исчерченный линиями и напоминающий карту.

– А это что? – Она вытерла руку и взяла бумажку.

Отец среагировал почти мгновенно.

– Абрис. – Выхватил у нее листок, сложил его и спрятал в карман. – Тебе не интересно...

И снова взялся за резец.

Надежда настороженно взглянула на его руки и приблизилась к верстаку.

– Ты что это строгаешь, пап?

– Очень крепкое дерево, – с удовольствием произнес Игорь Александрович. – Никогда такого не видел. Чем и обрабатывать, не знаю.

Она потрогала палку.

– Это какое дерево?

– Харламов сказал, медное. И впрямь будто из меди.

– А что это будет?

– Посох.

– Посох? – В глазах дочери мелькнул испуг. – Зачем тебе посох?

– Как зачем? Например, за грибами ходить, очень удобно. Да и по гололеду. Мне давно полагается третья точка опоры.

Чуть-чуть успокоил, но тревога осталась. Надежда вернулась к столу и опять занялась посудой.

– Ты есть-то хочешь? – спохватился отец. – Овощное рагу приготовил...

– Не хочу. Я со дня рождения еду. Артемке сегодня шесть исполнилось.

Игорь Александрович тяжело сел у верстака и положил резец. Уловив его настроение, она предвосхитила вопрос:

– Пап, не приставай!

– Держишь ты меня, – медленно проговорил он. – По рукам и ногам вяжешь.

Надежда взяла полотенце и присела рядом, положила голову на плечо.

– Я стараюсь, пап. Изю всех сил...

– Тьфу, – обреченно сказал отец. – До чего же вы бестолковые...

Она обняла отца, приласкалась, проговорила капризно:

– Ты что, папочка, избавиться от меня хочешь?

– Мне вон уже медное дерево на посох вырубили, – серьезно продолжил он. – А был бы внук...

– Молчи, папа!

Отец посмотрел долгим взглядом и опустил голову. Она услышала его обиду, погладила по волосам.

– Ну, прости... Не сердись. Мне самой тошно.

Он оставался неподвижным.

Надежда коснулась суковатой палки – наколола руку, резко отдернула ее.

– И правда, будто металл... – Потом поинтересовалась, стремясь помириться: – А где растут такие деревья?

Отец взглянул на нее, как на малое дитя, невесело усмехнулся:

– Не знаешь? В Тридевятом царстве растут...

Нелегальные бои без правил устраивали в заброшенной промзоне, видимо, бывшем заводе железобетонных изделий: кругом валялись бракованные плиты, блоки, заржавевшая арматура – и все это заглушал буйный, вымахавший под два метра чертополох. И тут же вкривь и вкось, как попало, приткнулись дорогие автомобили, в некоторых скучали водители. Картина причудливая и дикая одновременно.

Внутри был сооружен примитивный ринг с ковром, вместо канатов его обозначали натянутые толстые веревки. С ферм свисали театральные прожектора, освещающие ринг, так что «зал» оказывался в полумраке. Зрителей собралось около полусотни, отнюдь не «братки», вполне достойные люди, более напоминающие политиков, дипломатов.

Один, похожий на индейца, выделялся из толпы особо: он в окружении свиты сидел в пляжном шезлонге у самых канатов и в противовес взвинченной публике хранил спокойствие Будды.

Кое-кто расположился поодаль, меланхоличный официант с повязкой на волосах разносил напитки, женщины возбужденно следили за дракой крупных и сильных самцов. Дорогие костюмы и изысканные платья на фоне серых, пыльных стен и колонн цеха выглядели жалко и нелепо – и все здесь казалось незаконченными декорациями к какому-то бездарному спектаклю.

Бой на ринге шел давно, и, похоже, близилась развязка. Потные, окровавленные гладиаторы уже висли друг на друге, однако бритоголовый с фингалом все же был в лучшей форме, чем его волосатый и бородатый противник.

Оставались секунды до финала. Публика сосредоточенно ждала.

Надежда и Илья стояли возле канатов, неподалеку от сидящего «Будды», и ничем не выделялись из прочей публики, если не считать их чересчур побледневших лиц.

Бритоголовый гладиатор вышел из клинча и прямым достал противника, добавил ногой – могучий боец рухнул спиной на канаты, устоял, но голова мотнулась так, что брызги пота попали Надежде на щеку. Она отшатнулась, брезгливо утерлась и полезла в сумочку.

Илья, у которого потели очки, этого не заметил, и тогда Надежда воровато сделала шаг назад, развернулась и быстро пошла через цех в светлый проем ворот, у которых торчали охранники.

Выскочив на улицу, она все еще с отвращением утирала лицо. Из белой машины Ильи достала бутылку с водой, но в ней оказалось на доньшке, хватило намочить платок, но не смыть омерзение. Надежда огляделась и с независимым видом направилась в глубь территории завода.

Была ветреная, сухая, по-октябрьски пронзительная осень...

Когда Илья выскочил из цеха, Надежды уже не было видно. Он сунулся в машину, посмотрел по сторонам, вернулся к охранникам у ворот.

– Простите... Барышню не видели?

Один взглянул тупо, молча пожал плечами, другой даже не пошевелился. Илья вошел в цех и попал под аплодисменты: все было кончено. Волосатый торжествовал победу, а его соперник лежал на ковре, и рефери прыскал на него водой.

Встревоженный Илья близоруко оглядывался, нервно протирая очки. Зрители сдержанно переговаривались, где-то смеялись – речь шла о ставках и проигрыше.

Невозмутимым оставался «Будда» в шезлонге.

А Надежды нигде не было...

Илья спохватился, достал мобильник и начал звонить – длинные гудки были ему ответом.

Привезенный из Чечни материал отсматривали вдвоем – Иван и его непосредственный руководитель Крикаль. На мелькавших кадрах солдаты играли в футбол, безбоязненно сидели у костров в «зеленке», купались, устраивали веселые потасовки друг с другом. Все это перемешалось говорящими головами офицеров и рядовых. И почему-то долго и навязчиво – горные ландшафты и стремительная река, совершенно мирная и веселая.

Крикаль остановил кадр на этой реке и встал с кресла.

– Что-то я не понял, Иван... Это война или турпоход? По пересеченной местности?

Иван будто не слышал, глядя на экран.

– Ты что там делал десять дней? С бойцами в футбол играл?

– Играл.

– Да я видел. – Крикаль кивнул на монитор. – Но у тебя вроде другая задача была...

- Я помню, – безучастно отозвался тот.
- А что ты отснял?
- Надо понимать, ты хочешь попрессовать меня?
- Пресс будет чуть позже, – чему-то усмехнулся Крикаль. – Это пока разминка, Вань. Иван включил перемотку, спросил зло:
- Ты меня за этим вытащил из дома? В законный выходной? Оторвал от беременной жены, от любимой дочери?
- Твой материал заявлен в программе, – жестко сказал Крикаль. – И что мы покажем уважаемому телезрителю? Отдых в горах?
- Война должна вызывать отвращение, верно? – после паузы тихо заговорил Иван. – А это кровь и трупы. Это тупость военных чинов, разгильдяйство и пьянство солдат. Бессмысленная гибель, крик матерей...
- Скажешь, этого уже нет? Четыре дня назад под Шатоем сожгли колонну грузовиков. Ты с группой был в этом районе. Где? Почему здесь течет Аргун, а не горит колонна?
- Ее не сожгли.
- Как не сожгли?
- На обочине подорвали фугас. Загорелся один «КАМаз», но его потушили. Обошлось без жертв. К сожалению...
- Начальник будто бы не заметил язвительного тона.
- Все каналы показывали обгоревшую колонну. Даже CNN.
- Ты же знаешь эти фокусы, Стас! С какой точки снимать...
- В чем ты хочешь убедить меня, Ваня? – Крикаль подкатил кресло и сел напротив. – Что мы врем? Показываем ужасы?
- В том, что война на Кавказе кончилась.
- Это ты так решил?
- Нет, всем известно. И некоторым нашим... и особенно не нашим политикам обидно. Мы с тобой даже знаем кому... Ты обычно коньячка наливал, а сегодня что-то зажимаешь...
- Крикаль подкатился в кресле к шкафчику, извлек початую бутылку коньяка и две разных рюмки. Разливал осторожно и долго, заполняя паузу.
- Не надо озвучивать кому. – Он поднял рюмку. – Если война кончилась, то за победу? Иван выпил не чокнувшись, достал сигарету.
- Знаешь, зачем банды Масхадова таскают по горам электростанции? Небольшие такие, японские. И запас бензина?
- Тянутся к цивилизации...
- Правильно, чтоб телевизор смотреть. Они у нас самые лучшие и внимательные зрители. Особенно новостей и таких вот авторских материалов. А сейчас им подбросили портативные, на аккумуляторах. Чтоб не так тяжело было.
- Крикаль взглянул на него, как на больного.
- У тебя все в порядке, Иван?
- А догадываешься, почему ни одну съёмочную группу не взяли в заложники? Хотя возможностей было! Сами в руки шли... И даже отдельным журналистам позволяют брать интервью? Например, у Басаева?
- Может, у тебя с Варварой проблемы? – деловито продолжил Крикаль. – Кстати, как протекает беременность? Кого ждете?
- С Варварой все в порядке, Стас... Иностранцев журналистов берут, а наших нет. Даже выкупа не хотят. Странно, правда? И обидно... А еще есть ощущение...
- Теперь все понял! – Крикаль вскочил. – Как я сразу не сообразил! Надежда? Твоя Надежда на лучшую жизнь?
- При чем здесь Надежда?

- Как при чем? Она же узнала про беременность Варвары?
- Ты сейчас о чем говоришь? – после напряженной паузы тупо спросил Иван.
- О психологии, Вань, о мотивациях поступков, поведенческих реакциях... Она не пожелала отнимать отца у двоих детей. И наконец-то оставила тебя.
- Он промолчал, подыскивая слова, – чего-то опасался.
- Продолжай, – спокойно поторопил Иван. – Ты ведь сожалеешь, что мы с ней расстались, верно? Ну, скажи? Это ведь ты нас свел с Надеждой? Помнишь командировку в Североморск?
- Я свел?! Ну, ты молодец! А кто говорил – судьба?
- Надя была права...
- Теперь я его свел! – возмутился Крикаль. – Как сводник! Да мне всегда было жалко Варвару! Которая тебе верит!
- Ну, об этом я всегда знал.
- И вообще, я устал разбираться с твоими женщинами! – вдруг взорвался шеф. – Почему я должен выслушивать одну, другую?
- Ты давай о мотивах. Это интереснее.
- Крикаль налил коньяка в обе рюмки, молча выпил один и спрятал бутылку.
- И ты не обидишься?
- Ты же знаешь.
- Ладно... Глубокие разочарования и переживания меняют мировоззрение. Мы начинаем иначе видеть и мыслить...
- А если конкретнее?
- Как часто бывает, в великом безутешном горе ты прозрел! – мстительно объявил Крикаль. – Огляделся и вдруг обнаружил, что война кончилась. А продолжается она только в наших кровавых репортажах. На самом деле мир и благодать... Такое у тебя ощущение?
- Он ждал резкой реакции – провоцировал взрыв, но его не последовало. Иван разочарованно пожал плечами.
- Не угадал. От безутешного горя все видится наоборот.
- А, так надо учитывать, что ты поперечный! У тебя мозги, вывернутые наизнанку.
- Сам ты поперечный...
- Крикаль пошел на добивание.
- Пока ты снимал в Чечне мирные пейзажи, Надежда собралась замуж. Знаешь за кого?.. За господина издателя по фамилии Сердюк. Помнишь «Фатум-пресс»?
- Этого Иван не знал, но сделал вид, что ему безразлично.
- Замуж – это здорово.
- Были они тут у меня. Оба, – сообщил с удовольствием Стас. – Заявление принесли...
- На венчание?
- На какое венчание? На увольнение. По собственному...
- А вот в это не верю, – усмехнулся Иван и поднялся. – Надежда не уйдет с канала. Если наша контора сгорит, она еще три года на углях просидит.
- Крикаль достал из папки бумагу, поднес к лицу Ивана.
- Отрабатывает две недели. И осталось ей всего девять дней.
- Фатум – это и в самом деле пресс. – Иван пошел к двери. – Тогда и я принесу какое-нибудь... заявление. По собственному...
- В спину полетело яростное:
- Вань, ты просто запутался в бабах! Подумай о беременной жене!

Из трубы, торчавшей в стене приземистого цеха, текла вода. Невзирая на макияж, Надежда с удовольствием умылась, хотела утереться салфеткой, но тут зазвонил телефон в

сумочке. Она ждала звонка – выхватила, глянула на дисплей и отвечать не стала, лишь усмехнулась:

– Найди меня!

Из цеха вышел рабочий-узбек, прильнул к трубе, напился и завернул кран. Надежда предусмотрительно отступила – телефон то замолкал, то вновь начинал звонить. Когда узбек ушел, она украдкой посмотрела в пыльное стекло. За окном в сумрачном свете работали люди – формовали блоки.

Надежда спряталась за кучу песка, подстелив салфетки, села на блоки и кому-то позвонила. Механический голос ответил – выключен или находится вне зоны...

Вздохнула, задумалась, подперев подбородок кулачками.

Из зарослей бурьяна вышел бродячий пес, взглянул просяще, заскулил. Надежда слегка оживилась, потянулась к сумочке.

Все бродячие собаки – тонкие психологи, за версту чувствуют бродяг, собачников и одиноких людей. Надя вынула шоколадку, отломилась и бросила псу.

– Всегда выключен, – пожаловалась ему. – Или вне зоны.

Пес слизнул шоколадку, и тотчас же из травы явились пять щенков – выстроились полукругом.

– О! На всех не хватит!

Телефон снова подал голос. Надежда мельком глянула на дисплей и принялась делить шоколадку.

– Теперь игра в прятки...

Наконец из логова вылезла мамаша – запущенный, одичавший, но благородного происхождения пес предупреждающе залаял.

Иван со своим другом, оператором Сашей, пил чай в пустынной по-воскресному корреспондентской комнате. Основной разговор у них уже состоялся, и теперь они допивали остатки чая. Оба сидели опустошенные и хмурые.

– Может, свой проект? – безнадежно предложил Саша. – Помнишь, придумывали «Солдатскую правду»? Идея-то была отличная. Давай еще один заход?

– Была идея... Только устарела.

– Почему устарела?

– Солдатская правда нужна, когда требуется мобилизовать солдата, – объяснил Иван с отсутствующим видом. – Война кончилась, Саня. Теперь правда рядового бойца даже опасна. Никому не захочется ворошить прошлое. Ни политикам, ни военным... Нет уж, умерла так умерла.

– По-моему, ты сейчас придумываешь причины, чтоб уйти.

– Что тут придумывать, Саня? Мои воззрения на мир не соответствуют политике телекомпании. Мне так было сказано. Плюс моральный облик, вернее, аморальный...

– Крикаль за что-то тебе мстит.

– Я знаю за что...

Зазвонил мобильный телефон Ивана. Он выхватил из кармана трубку, с надеждой взглянул на дисплей, но сразу потерял интерес. Однако звонок настойчиво повторялся – пришлось отозваться.

Иван кого-то выслушал, вздохнул.

– Добро, буду, спасибо. – Он отключил телефон. – Информатор отзвонился. Придется ехать на встречу... Опять сообщит какую-нибудь гадость и денег попросит.

Он допил чай, неожиданно рассмеялся и встал.

– Кстати, Крикаль знаешь, что заявил? Сдай, говорит, мне свои информационные источники. Будто это стол, стул – казенное имущество!

Авто дружно разъезжались от цеха. Илья метался между ними, прижав трубку к уху.

В окружении свиты из цеха появился «Будда». Перед ним распахнули дверь белого «крайслера» с флажковым номером, услужливо помогли сесть.

Водитель выставил на крышу мигалку, включил зажигание и плавно тронул машину с места.

Осталось всего две машины – белая Илья и черный джип.

Илья тоскливо постоял, засунув руки в карманы и провожая взглядом синий маяк, затем выудил из машины бинокль, поставил ее на сигнализацию и, выбрав направление, пошел искать – в другую от Надежды сторону...

В это время из ворот вышли еще двое – поверженный гладиатор и его импресарио с большой спортивной сумкой. Переодетого и умытого бритоголового еще штормило, однако он полез за руль джипа.

– Ну еще чего! – возмутился импресарио, загружая сумку.

Надежда стояла возле Останкино и ловила такси. Был тихий летний вечер, в освещенном зашедшим солнцем небе стелились высокие золотистые облака. Тепло, душно, испарения от горячего асфальта...

И вдруг ударил ветер, понесло пыль, бумагу и грянул ливень!

Это было так неожиданно, что она засмеялась, но уже через несколько секунд стала озираться в надежде найти укрытие. А ведь ничто не предвещало дождя, и зонтик она не взяла...

Дождь уже кипел и пузырился на парящем асфальте!

Плечи, спина под легкой блузкой и распущенные волосы изрядно намокли, ее уже начал бить озноб.

А «жигулей» и драных иномарок, желающих заработать столярник, как назло, нет – дорогие и красивые игрушки останавливать нельзя, и лучше не садиться, если сами тормозят.

Дождь еще не кончился, но вдруг в небе высветилась радуга, причем один ее конец тонул в воздухе где-то совсем рядом, ближе, чем Останкинская башня, а другой вздымался высоко вверх и уходил куда-то к центру Москвы.

Забывшись, Надежда смотрела вверх и не заметила, как к ней подкатила машина – синий трехдверный джип. Водитель, склонившись, открыл дверцу:

– Садитесь, девушка!

Ни за что не села бы, но совсем продрогла, а из машины пахло теплом, и еще играла там музыка – кто-то пел под гитару простые слова: «Подбери меня раненого, исцели, не оставь на смерть...»

Надежда всегда садилась на заднее сиденье, но тут пришлось забираться на переднее: сзади нет двери – там ловушка. Она села и сразу же отвернулась к окну. Чуткий водитель посильнее включил отопление.

– Теперь можно расслабиться, – сказал он ей будто бы с намеком. – Видели радугу?

– Да, – в сторону ответила она.

В окне эта радуга еще светилась...

– Куда поедем?

– Павелецкая набережная.

– И все?

– Все. – Надя еще больше напряглась. – Только я пристегиваться не буду!

– Не нужно. – Он вырулил на дорогу.

– А если вас оштрафуют?

– Не оштрафуют... Это правильно, никогда не пристегивайте ремень, – продолжил назидательно водитель, набирая скорость. – Особенно когда едете с незнакомым человеком, вызы-

вающим подозрение. И никогда не называйте номер дома. Останавливаться желательно где-то по соседству, в хорошо освещенном месте. Лучше у ближайшего магазина, куда можно заскочить, если что.

– Спасибо, я учту.

– А еще постарайтесь запомнить лицо водителя.

– И номер машины.

– Да, и номер... Вы запомнили?

– Разумеется, – пробурчала она, хотя номера-то и не заметила.

– Это хорошо... А вас не смущает, что я негр?

Надежда укладкой опасно покосилась на водителя.

Нет! Типичный славянин, не красавец, лицо грубоватое, но глаза улыбочивые и печальные, несоответствующие внешней простоватости образа. Впрочем, как и модный автомобиль – дорогой трехдверный джип, на которых ездят обычно конченные индивидуалисты.

Он рассмеялся, угадав ее испуг. И смех его был каким-то обволакивающим, как тепло в салоне машины, как голос из динамиков и гитарный перебор. И хотя внутренний озноб еще не прошел, но она и в самом деле непроизвольно расслабилась, откинувшись на спинку сиденья, прикрыла глаза.

– Что же вы без зонтика? – как-то по отечески пожурил он.

– Подумала, сегодня не будет дождя, – проговорила Надежда непослушными от дремы губами. – Облака были высокие...

– Разве из высоких облаков не идет дождь?

Вопрос остался без ответа.

И это было последнее, что она помнила.

Водитель же преспокойно гнал машину по темнеющим улицам, стоял под светофорами, взлетал на мосты, развязки и часто посматривал на пассажирку. Ее подсохшие волосы трепетали от напора струи воздуха, черты умиротворенного лица смягчились, и чуть приоткрылись беспомощные губы. Зарозовели щеки, и Надежде стало жарко, но жар этот был не утомляющим, а благодатным.

Машина остановилась на Павелецкой набережной, ощущение покоя пробудило Надежду. Она огляделась – не узнала места.

– Где мы?

– На Павелецкой набережной.

– Простите... – Она достала деньги. – Спасибо.

Он включил свет в салоне и посмотрел на нее с усмешкой:

– Неужели я похож на бомбилу?

Незнакомец сидел, положив локоть на спинку кресла, и все – лицо, очертания плеч и расслабленная фигура – выражало огромную физическую силу и одновременно полное спокойствие, самообладание и отсутствие всяческой агрессии.

Женщины чувствуют это не разумом – солнечным сплетением.

– Нет уж, возьмите!

Она бросила деньги на торпеду, но водитель молниеносно перехватил бумажку, ловко сунул ей в руку и сжал ее в кулачок.

– Деньги я зарабатываю другим способом.

И в тот же миг выпустил руку.

Надежда так и вышла с зажатой в кулак купюрой, а он высунулся в открытую дверцу.

– Завтра зонтик можно не брать! – сказал уже в спину. – А вот послезавтра возьмите обязательно!

И только когда машина унеслась по пустынной набережной, Надежда остановилась под фонарем и с трудом разжала кулак со смятым столярным...

Надежда не спеша возвращалась к машине в сопровождении разнокалиберной своры собак. Кажется, она немного повеселела, однако вид побитого гладиатора ее вновь насторожил. Потянула ручку дверцы – машина оказалась запертой.

Надежда прислонилась спиной к автомобилю и стала открыто рассматривать бритоголового.

Тот сидел в джипе с открытой дверцей и пытался избавиться от шума в ушах. Почуввав на себе взгляд, сделал вид, что у него ничего не болит, попытался изобразить достоинство побежденного, но сильного человека. Надежда смотрела уже с вызовом и надменной усмешкой. Собаки потеряли к происходящему интерес и гуськом удалились.

– Ну, что смотришь? – угрюмо спросил наконец гладиатор. – Бабок должен?

– Ничего, терпи, – сказала ему Надежда. – Это бизнес.

Гладиатор сверкнул глазами с кровавыми прожилками, захлопнул дверцу. Джип сорвался с места, обдав ее пылью.

Надежда кому-то опять позвонила, но отвратительный голос вещал одно и то же – выключен... вне зоны...

Из не осевшей еще пыли и возник перед ней Илья.

– Ну, Петрова! Час уже бегаю!

– Открой машину, Сердюк. Сейчас дождь пойдет, а я не взяла зонтик.

– Дождь? – Он посмотрел в небо в бинокль. – Откуда дождь?

– Значит, показалось... Все равно, поехали, мне скучно, Сердюк.

Илья открыл дверцу:

– Садись, Петрова, – и тут сменил растерянный тон на восторженный. – А выигрыш?! Наши кровные оставлять нельзя. Выигранные деньги приносят удачу! – Он торопливо направился в ворота цеха.

Она сидела, прислонясь виском к стеклу, и смотрела вперед невидящим взглядом...

Закончив монтировать материал, Надежда схватила кассету и побежала сдавать выпускающему редактору. От него скорым шагом направилась в корреспондентскую комнату, где сейчас оставались лишь дежурные сотрудники, в том числе ее подруга Марина.

Что-то побросав в сумочку, она сдернула с вешалки плащ.

– Возьми мой зонтик, – предложила Марина. – Там, кажется, опять дождь.

– Сегодня мой зонтик стоит внизу, – проговорила Надя лукаво и чмокнула подругу. – У самого подъезда. Ну все, пока!

– Это любопытно! – воскликнула Марина, однако Надя уже исчезла за дверью.

По коридору пронеслась бегом. У лифта ее перехватил Тимофей, подвижный человек лет тридцати, с длинной гривой и в хиповых драных джинсах.

– Надь, ты домой? Давай подвезу!

– Спасибо, нет.

– Иван же в командировке!

– Ну и что?

– А, понял! Ладно, разговор есть. Ты пойдешь брать интервью у певички Шутовой?

– Пойду...

– Снимать будешь в гримерке? В антракте?

– Надеюсь...

– Возьми меня с собой, Надь? Во как надо!

– Пива холодного хочешь?

– Я пойду в качестве осветителя, – зашептал он. – Или аппаратуру таскать... Мне надо к Шутовой в гримерку. Не бойся, тебя не подставлю. Говорят, у нее чуть ниже пупка есть потрясающая татуировка!

– Не знаю. Ниже пупка не смотрела.

На счастье, приехал лифт. Тимофей схватил ее за руку:

– Ты моя надежда, ты моя опора!.. Это же все не бесплатно, Надь!

– Прощай, Тимоша!

Двери задвинулись. Лифт, как назло, едва тащился. В холле первого этажа Надежда умирала прыть, с достоинством прошагала к дверям, независимо прошествовала мимо суровых охранников, махнув удостоверением, и, выйдя на крыльцо, в изумлении остановилась.

Синий джип стоял прямо у входа, куда позволялось подъезжать лишь автомобилям высшего руководства.

Она недоверчиво ступенька за ступенькой спустилась. Дверца машины распахнулась.

– Садитесь, девушка!

Надежда заглянула в салон – водитель сидел, как вчера, вполоборота, облокотившись на руль и спинку, улыбался, а из динамиков слышался тот же голос и гитара.

– Здравствуйте, – сдержанно кивнула она и села.

– На Павелецкую набережную? – улыбнулся он.

– Да...

– Тогда вперед! – Он запустил двигатель.

– Как вам удалось сюда заехать? – не сдержала-таки Надя любопытства.

– Очень осторожно, на первой скорости.

– Но сюда никого не впускают...

– И за деньги?

– И за деньги...

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Меня пустили... Это ничего, если я спрошу, как вас зовут?

– Надежда, – все-таки настороженно ответила она.

– Замечательно! Надежда – мой компас земной... Меня – Андрей.

– Очень приятно.

– А мне-то как!

– Кто это поет? – спросила она.

– Наш парень... У вас работа слишком утомительная?

– Невероятно, – вздохнула Надя. – Хотели что-то предложить?

– Например, заехать в кафе или клуб, где есть живая музыка. И потанцевать.

Она не смогла скрыть удивления.

– Потанцевать?

– Нет, если вы устали...

– Я не устала!.. Вы умеете танцевать? Не прыгать, а танцевать?

Он повернул к ней голову. Веселая улыбка и печальные глаза никак не сочетались и одновременно притягивали.

– Надежда!

– Простите, Андрей... Просто я еще не встречала мужчин, умеющих танцевать. Кроме профессиональных артистов... Но вы точно не артист.

– Не артист! – засмеялся он. – Но люблю танцевать. Правда, очень редко это удается... То обстановка неподходящая, то музыка не та или нет... партнерши.

– И вы знаете хороший клуб?

Андрей лишь посмотрел на нее, опустил стекло, после чего достал спецсигнал, поставил его на крышу автомобиля, включил и помчался по встречной полосе...

Глава 2

Белая машина выскочила на дорожную развязку, сбавила ход и уткнулась в пробку.

– Ну, не знаю! – с веселой возмущенностью выговаривал Илья. – Не знаю! Чем бы тебя еще удивить? Чтоб скучно не было!

– Тебе это нравится? – не сразу отозвалась Надежда.

– Что? Удивлять?

– Нет... Этот мордобой. Никогда бы не подумала...

– Но ты же сама попросила меня показать, как я теперь живу. И чем.

– Ты маньяк, Сердюк.

– От маньячки слышу, Петрова.

– Ну как иначе можно получать удовольствие, глядя на драку уродов?

– Эх, Надежда!.. Все это нормальное существование мужчины. Адреналин освежает чувства и мысли. Поднимает воинственный дух! Тебе же нравятся воинственные мужчины?

– Почему ты так решил?

– Насколько помню, в школе тебе нравился Бецман. И только потому, что здорово дрался.

– А ты научился драться?

– Научусь, – пообещал он. – Если ты захочешь.

– Поэтому ты и показал мне бои без правил?

Илья усмехнулся, проговорил медленно:

– Петрова, если я овладею каким-нибудь видом борьбы... То это будет что-то оригинальное... Мне и самому отвратительно смотреть... Но приходится, чтобы держать чувства в тонусе... А если это еще приносит выигрыш! Мы же с тобой выиграли! Между прочим, это наши первые деньги. Совместно нажитые.

– Совместно – это здорово, – многозначительно подтвердила она.

– А у тебя интуиция! Просто сумасшедшая. На этого лохматого никто не ставил! С тобой можно ходить в казино.

У Нади зазвонил телефон, и звонок этот чуть приубавил восторг Ильи. Надежда взглянула на дисплей и меланхолично спрятала трубку в сумочку.

– В казино не пойду, – объявила она, когда телефон смолк. – На стрит-рейсинг и футбол тоже.

– Говори куда.

– В танцевальный зал.

– Ты до сих пор танцуешь?

– Нет... Теперь очень редко. А хочется!

– Я слон, ты же знаешь...

– И слона можно научить...

– Если возьмешься, у тебя это получится.

Надежда посмотрела оценивающе – в двадцать семь лет Илья уже раздобыл и слегка оплыл к низу.

– Попробую, если сбросишь пуда два.

– Сброшу! – Он просиял. – Теперь у меня есть настоящая цель в жизни – научиться танцевать.

– Ловлю на слове! Поклянись.

– Чтоб я сдох! Надя, а сейчас куда мы едем? Давай завалимся в самый дорогой кабак и просадим выигрыш?

– Терпеть не могу дорогие кабаки...

– Куда ты хочешь?

Надежда смотрела на осенний пейзаж за стеклом.

– В лес. И чтоб был апрель, светило солнце и пели птицы...

– Жаль, сейчас не апрель!

Она отвернулась и немного опустила стекло. Пробка вроде бы рассасывалась, засвистел ветер.

– Да, апрель давно кончился.

Он посмотрел ей в затылок – не реагировала...

– Ладно, признавайся. Это он звонит?

– Кто?

Илья невесело и как-то обреченно усмехнулся:

– Который в апреле... Когда солнце светит, птицы поют. Как там его зовут?

– Ты не знаешь.

– Неужели? А не Иван ли Беспалый? Самый военный корреспондент?

Надежда села к нему вполоборота, усмехнулась:

– Наконец-то ты стал проницательным, сэр Дюк.

– Передачи его смотрю, про Чечню...

– Почти угадал, – похвалила она, опять отвернувшись.

Илья нюансам не внял.

– Неужели ты еще помнишь школьное погоняло?

– Только не помню, кто тебя так обозвал.

– Сам придумал! – Илья был почти счастлив.

– Сам?! – Странно. Человек сам себе придумывает прозвище.

– Я же в пятый класс к вам пришел. А в старой школе звали... Нет, не скажу как. Очень обидно!.. – Он покрутил головой. – Изменил всего одну букву... И все изменилось! Почувствовал себя другим человеком. Английский выучил! Даже одеваться стал соответственно...

У Надежды опять зазвонил мобильник, Илья вроде бы даже рассердился.

– Ты можешь ему сказать, что лето кончилось? А вместе с ним и весь североморский период!

– Североморский? – усмехнулась она. – Это любопытно! Ты и в самом деле почти все знаешь.

– Как не знать, если полжизни служу тебе подружкой.

– Я про Североморск тебе не рассказывала!

– А откуда тогда я знаю? Прилетела с вытаращенными глазами – встретила свою судьбу! Под холодным северным небом. На берегу Ледовитого океана... Помнишь? Правда, он женат, есть дочь! Но мы все равно будем вместе!

– Совсем забыла, Сердюк, – печально проговорила Надежда. – Да, ты прав, североморский период давно закончился.

– Почему тогда звонит? Достал уже!

– Это что, ревность?

– Я тебя пятнадцать лет ревную! Позвони сейчас же и скажи, чтоб забыл твой номер. Стер из памяти. Иначе найду его и сам сотру... И не только в телефоне.

Надежда посмотрела на него с грустной улыбкой:

– Ты мне нравишься такой, сэр Дюк. Сэрдитый! Пожалуй, я научу тебя танцевать.

Тот бросил руль и вскинул руки:

– О боги! Что я слышу?!

В Измайловском парке было сумрачно, моросил осенний дождь. В такой час и погоду гуляющих не было, на дорожке промелькнул лишь прохожий с собакой да одинокий любитель бега трусцой.

Иван скрылся под дерево за садовую скамейку и закурил. Он не видел и из-за шума дождя не слышал, как со спины к нему кто-то подошел. Информатор осторожно положил руку Ивану на плечо. Тот дернулся, выронил сигарету.

– Вы всегда так внезапно появляетесь! – Он перевел дух. – С вами инфаркт заработаешь.

– Служба такая, – усмехнулся информатор. – На будущее: всегда отслеживайте тыл, особенно если там темно.

– Спасибо за совет.

– Теперь к делу. Сегодня утром на совещание был приглашен Слухач. Он доложил, что в последние дни значительно оживились каналы Саудовская Аравия, Катар, Лондон. Все замыкаются на Москве. И отчасти на Дагестане.

– Что это значит?

– Это значит, идут активные согласования и консультации, – для тупых объяснил информатор. – Звонят с разных телефонов, произносят ничего не значащие условные фразы, например, на фарси или чеченском. Точно так же получают информацию. Никаких тебе шифров, кодов и радисток Кэт: век коммуникаций.

– То есть в любой момент в Москве могут произойти какие-то события?

– Очень неприятные и крупные события, – согласился информатор. – Скорее всего масштабный теракт. Где, пока неизвестно. Но не в любой момент. Мы просекли их тактику. Обычно за сутки перед часом Ч активность каналов резко падает. Как затишье перед бурей.

– Вы так спокойно говорите об этом...

– Не знаю, где держат свои головы журналисты, но аналитики свои – в холоде... Вам советую в ближайшие три дня никуда не уезжать из Москвы и быть начеку. Появится новая информация, я дам знать. Если мои выводы не подтвердятся, ждите сигнала «отбой». Но аванс я должен получить сейчас.

Иван достал бумажник, начал отсчитывать деньги.

– Знаете, у меня каждый раз такое чувство... будто мы заговорщики. И это мы с вами собираемся устроить теракт.

– Мы с вами профессионалы, – жестко ответил информатор, пряча деньги. – Каждый в своей области. И служим Отечеству.

И бесшумно скользнул в темноту.

Танцзал был настоящий, с паркетом, с живой музыкой и искусной театральной подсветкой, скрывающей все остальные клубные атрибуты – барную стойку и столики вдоль стен. Создавалось впечатление, что танцующая пара с номером «7» – единственная во всем пространстве и только для нее оркестр играет заводной испанский ритм.

Это была финальная часть танца, и невидимая публика затаила дыхание в ожидании его последнего аккорда.

Андрей припал к ногам Надежды и замер. Музыка оборвалась, и возникла та пауза, что отделяет вечность от мгновения. Под внезапный взрыв аплодисментов Андрей подхватил ее и вознес над собой.

– Bravo! Bravo! – скандировали отовсюду.

Они улыбались, раскланивались.

Свет над танцзалом смикшировался, и стало видно, что вдоль стен за столиками десятки восторженных зрителей. И это не профессиональная сцена, а ночной клуб.

Пользуясь минутной темнотой на площадке, Андрей взял Надежду на руки, и они будто растворились в пространстве зала.

Луч света выхватил ведущего на подиуме. Тот поднял руку, умиряя аплодисменты:

– Господа! Прошу тишины, господа! Решением нашего беспристрастного жюри победа присуждается паре номер семь!

И снова крики, особенно женские, и гром аплодисментов.

– А сейчас по традиции нашего клуба – вальс победителей!

Оркестр заиграл вальс «Ночь коротка, спят облака...».

Прожектор высветил пустой столик с номером «7»...

Под этот вальс со стоянки автомобилей возле клуба сорвался синий джип и умчался по летней предутренней Москве...

А спустя некоторое время он заехал в какой-то двор и остановился перед «ракушкой».

Дом был старый, сталинский, с небольшим внутренним двориком, забитым автомобилями и «ракушками». Хилые деревья, доминошный стол и железные качели – все, что осталось от детской площадки.

Андрей выскочил из машины, открыл дверцу:

– Прошу, сударыня!

Он помог Надежде выйти, но она сразу же повисла у него на шее.

– Голова кружится! – Она осмотрелась. – Где мы, Андрей? Ты куда меня привез?

– Это мой дом. – Он показал на темные окна четвертого этажа. – Вон мои окна.

Она с любопытством спросила:

– Ты здесь живешь?

– Случается... Но редко.

Надежда подошла к качелям и села.

– Никогда бы не подумала, что у тебя есть дом, – вдруг проговорила она. – То есть место, где тебя можно найти.

– Я похож на бомжа?

– Ты похож на странника. Только посоха не хватает.

– Сейчас мы пойдем ко мне, – сказал он твердо. – И там докажу, что я люблю домашний очаг и вообще склонен к уюту.

– Потом ты предложишь чай, кофе...

– К сожалению, у меня нет ни того ни другого.

– Как же ты станешь соблазнять? Или знаешь другой способ?

– Знаю. – Он открыл «ракушку». – Сейчас покажу... Только загоню машину.

– Андрей... – Она встала. – Отвези меня домой. Пожалуйста.

Белая машина въехала в распахнувшиеся ворота и подкатилась к ступеням ротонды шестиэтажного особняка с пентхаусом. Солидного, впечатляющего новодела в английском рыцарском стиле. На цепях перед входом висела медная плита с отлитой надписью «Издательский Дом “Фатум-пресс”».

А чуть наискосок, на противоположной стороне широкого бульвара, виднелась яркая реклама современного салона для новобрачных и ресторана для свадебных торжеств.

Охранник сбежал с крыльца, распахнул дверцу, но Илья знаком указал на пассажирку. Надежда вышла из машины, кивнула охраннику, мельком оглядела здание и подняла глаза к небу. Илья млел от заслуженного удовольствия – всю жизнь ждал этой минуты, не раз представлял себе, как однажды предьявит Надежде свой успех, удивит, поразит воображение. И думал сейчас, что ему удалось, потому, скрывая эти очень мужские чувства, сказал ворчливо:

– Ну что ты выставилась, Петрова?

В пасмурном высоком небе висели неподвижные облака.

– Дождя не предвидится, – сообщила она.

– Прошу вас, леди. – Илья подал руку.

– А это что? Дом, который построил сэр Дюк?

– Да, очень скромная хижина... А если нам сначала зайти вон туда? – Он указал на противоположную сторону бульвара.

Надежда задержала взгляд на яркой вывеске салона для новобрачных и оттолкнула руку спутника.

– Дурак ты, Сердюк!

– Настанет час, – шепотом пообещал он, – и я отведу тебя на ту сторону!

– Дерзай! – позволила она.

Охранник распахнул перед ними дверь, затем открыл пролет пропускного барьера.

Внутри здания все оказалось проще, как в обычных современных офисах. Они вошли в лифт, и едва закрылась дверь, как Илья по-мальчишески попытался поцеловать Надю. И наткнулся на такой же «школьный» ответ:

– Отстань, Сердюк! – Она замахнулась сумочкой. – Сейчас ка-ак дам!

И они вдруг рассмеялись, но больше от ностальгии, чем от радости.

На шестом этаже размещалось руководство, и потому в обстановке присутствовали натуральный камень, мореный дуб и английская мягкая мебель, однако выглядело все это мрачновато. Надежда озидала непривычную обстановку и слегка ежилась. Илья открыл перед нею дверь.

– Ваш кабинет, леди. Прошу...

С видом Золушки Надежда вошла в просторную комнату с длинным столом для заседаний, огляделась. Взгляд остановился на письменном столе, где был включен компьютер, лежали бумаги и очки.

– Кажется, здесь занято...

Илья не заметил тревоги, объяснил деловито:

– Временно сидит начальник реализации. А изначально планировался кабинет пиар-директора. То есть ваше место, леди.

– Мое?

– Твое, Петрова, твое. И ждет, когда у тебя закончатся... всевозможные периоды.

Она потрогала кожаное кресло, но не села.

– Здесь и в выходные работают?

– Для реализации нет выходных. Народ жаждет духовной пищи во все дни недели.

Надя подошла к дубовому книжному шкафу, вынула наугад книгу – на обложке зверская рожа со снайперской винтовкой. Прочитала название: «Заказ на заказчика».

– Это – пицца? – насмешливо уточнила она.

– Ты не смотри на обложку! – засмеялся Илья. – Это просто замануха. Под коркой умный, интеллектуальный детектив. С вечным сюжетом борьбы добра и зла.

– Да я читала!

– Ну и как?

– Пособие для убийства.

– Именно в этой книге?

– Они все одинаковые! – Она вдруг что-то вспомнила. – Сердюк, а ты издаешь поэзию?

– Ты же знаешь, не пользуется спросом. В такое время живем... – Он сделал паузу. – Но если захочешь, я буду издавать. Скажи какую – отечественную, зарубежную?

– Не могу найти Жана Фоллена.

– Ого! У тебя новые серьезные увлечения?

– Нет, все старые... Можешь издать? Для меня?

– Без проблем! Подойди сюда и посмотри в окно. Вот, можешь взять бинокль.

Она выглянула в окно – за бульваром салон для новобрачных...

Мстительно стукнула его кулаком по спине, однако сама игра эта ей все-таки нравилась. Илья рассмеялся.

Надежда заметила дверь за шкафом.

– А это... зачем? – спросила она заинтересованно.

- Дверь на лестницу.
 - Черный ход?
 - Он не такой уж и черный. – Илья достал ключи и открыл замок. – Через него можно попасть ко мне в кабинет.
 - А на улицу выйти?
 - Запросто. Есть персональный лифт. И еще можно подняться на чердак.
 - Зачем?
 - Ты же не будешь круглыми сутками сидеть на работе?
- Надя отступила.
- А что там? На чердаке?
 - Петрова, ты что? Боишься?!
 - Кто, я? Ничего я не боюсь!
- Илья распахнул дверь.
- Тогда иди!
- Надежда смело переступила порог...

Был летний полдень, за приоткрытым окном светило солнце и шумел дождь, капли били по жестяному сливу.

Андрей будил Надежду, тербил за уши, щекотал нос ее же волосами.

– Подъем!.. Ну, хватит спать! Время – четырнадцать десять. Обед!

За дверью спальни нескончаемо и требовательно лаял фокстерьер.

– Еще чуть-чуть, – сонно бормотала она. – Последние аккорды...

– Надя, мне пора, – сказал он в ее ухо. – Труба зовет.

– Какая труба? – Она открыла глаза.

– Водопроводная.

Она привстала, натягивая одеяло.

– Ты кто? – спросила. – Водопроводчик?

– Нет, скорее ассенизатор. – Андрей стал одеваться. – А почему твой пес лает всю ночь?

Может, голодный?

– Не голодный...

– Значит, хочет погулять. Выпустить на улицу?

– Ни в коем случае! Только на поводке и под присмотром.

– А что так строго?

– Склонен к бродяжничеству. Порода такая...

Андрей рассмеялся:

– Звучит как приговор! Склонен к бродяжничеству... А если это естественное стремление к воле? Природный инстинкт? Который мы, люди, подавляем?

– Наверное, он меня ревнует, – серьезно предположила Надежда.

– Строгий у тебя охранник.

– Где ты так научился танцевать?

– В школе... бальных танцев. А ты?

– Я тоже в школе... Мне почему-то обидно.

– Почему? – Он присел и взял ее руку.

– Было так здорово... А закончилось тривиально, в постели.

– У нас ничего не закончилось, – твердо и очень отчетливо проговорил он. – Все только начинается.

– Андрей... Все-таки запусти Графа, а то он опять охрипнет.

Тот открыл дверь – пес ворвался ветром, запрыгнул на кровать, облизал лицо Надежды, завертелся юлой. И принялся лаять на Андрея.

- Ты можешь остаться? Сегодня суббота...
- Не могу.
- Андрей, ты женат?
- Нет. И никогда не был.
- Куда же спешишь?
- На самолет, – нехотя сказал Андрей. – Вылет в пятнадцать сорок.
- Хочешь, я провожу?

Он подал халат.

- Если только до порога.
- Сегодня выходной...
- Мы летим бригадой... И у нас не принято...
- Бригада ассенизаторов?
- Да... Там разные специальности. – Он взял Надю на руки. – Я скоро вернусь. Будет

возможность – позвоню.

Фокстерьер с лаем вертелся у ног.

- Он не ревнует, – проговорил Андрей, – он не хочет меня отпускать.

В передней он покружил Надю на руках.

- Раз-два-три, раз-два-три... Ты моя надежда...

Поцеловал, поставил ее на ноги, резко сдернул с вешалки куртку, распахнул дверь и вышел без оглядки.

Лестница была местом, предназначенным для того, чтобы перекурить, пошептаться, поделиться сокровенным и даже, уединившись в короткие мгновения, пока никто не пробегает снизу вверх или наоборот, поцеловаться.

Если есть с кем...

– Ой, у меня до сих пор все косточки болят, – жаловалась Надежда. – И кажется, мышцу потянула...

Марина курила и хитренько улыбалась.

- Видела вчера твой зонтик... В окошко. Ничего, солидный. Кажется, «мерседес»?

– Не рассмотрела... Хорошо, была суббота. Он ушел, а я до вечера проспала! Все болит, и до сих пор голова кружится.

- Еще бы! – со знанием дела и многозначительно кивнула подруга. – Надо полагать...

Обе засмеялись громко – пробежавший мимо мужчина оглянулся.

- Не от того, о чем ты подумала, – отмахнулась Надежда. – Мы всю ночь танцевали.

– В каком смысле?

– В прямом. В каком-то ночном клубе на Садовом. И даже получили приз! Вернее, заслужили, но не получили. Так, красиво ушли... Поехали сначала к нему, но там мне что-то не понравилось. Дом мрачный, старый, и двор... Почему-то страшно стало. Поехали ко мне...

- Кто он такой-то? – Марина достала еще одну сигарету. – Хоть не бандит?

– Вроде бы нет... Но какой-то закрытый, загадочный.

- Ох, подруга! – восхищенно протянула Марина. – Да ты, кажется, влюбилась?

– Не знаю. Чувствую только, все тело ноет, а душа трепещет.

- Очень знакомое чувство. А сегодня заедет за тобой? Интересно бы посмотреть...

– Он улетел, еще в субботу.

– Куда улетел?

– Не знаю.

– Что, просто так встал и улетел?

- Нет, сказал: «Скоро вернусь. Будет возможность – позвоню...»

– Да он же авантюрист, Надя!

– Это я авантюристка. Понимаешь, он какой-то... могучий. С ним так спокойно. Я ведь у него в машине уснула! Когда он первый раз меня подвозил. Представляешь, поймать поздно вечером тачку, сесть рядом с незнакомым мужчиной и уснуть? Знаешь, где можно проснуться?

– И где же ты проснулась?

– На набережной, недалеко от дома. Сидит, мирно смотрит на меня и улыбается.

– Не просился на чашечку кофе?

– Ни на чай, ни на кофе...

– А как же теперь Ваня Беспалый? – прищурилась Марина. – Вот вернется, посмотрит в твои сумасшедшие глаза и сразу все увидит.

– Пусть Ваня смотрит в глаза своей жене.

– Крутая ты девчонка...

– У него было время. Целых пять лет.

– Надь, не дури, – стала серьезной Марина. – А если этот твой танцор больше не вернется? Никогда? Если он проходимец?

– Проходимцы так не танцуют, – задумчиво проговорила Надежда. – Если б ты знала, Марин, какой он партнер! У меня никогда такого не было, даже в школе...

– Это ты что имеешь в виду?

И снова обе расхохотались – просто так, от молодости, счастья и удовольствия.

Иван бесцельно брел по пустому сумеречному парку. Вдруг раздался выстрел или хлопок петарды, и над головой с шумом взметнулось воронье.

Он будто очнулся, взглянул в небо и быстрым шагом направился к автомобильной стоянке.

А воронье кружило над парком, оглашая дождливое пространство встревоженным криком.

Иван сел в машину, запустил двигатель, сдал назад, но вдруг вспомнил, что не знает, куда ехать. Пролистал карту Москвы, но ничего не нашел, набрал какой-то номер, подождал. Трубку сняли.

– Макс? Здорово... Да, утром прилетел. Слушай, дай-ка мне адрес издательства «Фатум-пресс»... Ага, роман хочу издать, любовный. – Он достал ручку и блокнот. – Как один мужик в бабах запутался... Потом, Макс, сейчас некогда... записываю... Домохозяек издает? Наплевать. Я теперь тоже скоро буду домохозяйкой... Ну все, до связи!

Потом набрал номер Надежды, послушал длинные гудки и бросил мобильный телефон на сиденье.

Ехал зло, рискованно, с частыми выездами на встречную полосу, в последний миг уворачиваясь от машин. И все-таки через несколько минут гонки увяз в плотной пробке. Кое-как пробившись к бордюру, Иван приткнулся на тротуаре и побежал в темный зев метро...

В пентхаусе было сумеречно из-за темной отделки, хотя окна выходили на все стороны света, а распахнутые раздвижные перегородки создавали ощущение большого, пустого и необжитого пространства.

– И что... это? – Надежда озиралась, ее первоначальный испуг сменился защитной иронией. – Павильон с декорациями? Киностудия?

– Теперь это твой дом.

– Мой дом?

– Уютная квартирка на чердаке. Самое ценное здесь камин и зимний сад. Пошли!

– Значит, ты даешь мне работу с предоставлением жилплощади?

– Петрова, я еще, между прочим, женюсь на тебе!

– И муж? – Она стремительно пошла по комнатам. – Замечательно. Сегодня мой день!.. Так, здесь надо заменить шторы. А кровать переставить головой на север. Это что? А, санблок спальни...

– Обрати внимание на кровать, – тоном гида сказал Илья. – Видишь резьбу?

– Вижу, и что?

– Это храмовая отделка буддистского монастыря. Пятнадцатый век.

– Монахи спят на таких аэродромах?

– Нет... У них в храмах идет ремонт. А наши ребята покупают то, что... им не нужно, привозят в Москву контейнерами и делают мебель. Считается – супер!

– Как спится? Кошмары не мучают?

– Если только сексуальные...

Она оценивающе взглянула на кровать.

– Ничего, ничего, мне здесь нравится...

– Ну наконец-то! – Он торопливо шел за ней.

Надя резко остановилась.

– Что?

– Тебе начинает что-то нравиться!

– Мне одно не нравится, Сердюк. – Она взяла его за пуговицу пиджака. – Очень не нравится.

Илья, прошедший огни и воды в издательском, очень хитром бизнесе, был всегда собран, осторожен и умел не выдавать своих истинных чувств. И сейчас, хочешь не хочешь, приходилось подыгрывать Надежде.

– Ты скажи, Петрова. Мы разберемся, исправим.

– Хочешь жениться на мне?

– Всю жизнь хочу!

– А кто будет делать предложение? Пушкин?

– Я уже делал тебе предложение! Целых два раза!

– Когда, сэр Дюк? Ты ничего не путаешь? Может, это было с другими женщинами?

– Петрова, кончай дурить. Ты ничего не помнишь?

Она упала в кресло-качалку перед холодным камином, щелкнула пальчиками.

– Говори!

Илья чувствовал себя отвратительно, видя, что все серьезное непоправимо разбавляется ее игрой, как мед дегтем, но знал, что иного тона Надя сейчас не потерпит. Он был вынужден продолжать неуместную игру и этим тяготился.

– Первый раз в пятом классе.

– Так, напомни событие!

– Мы с тобой дежурили. Мыли пол в классе...

– Мыли – помню...

– Это было перед Новым годом. Я сказал, что ты мне понравилась с первого взгляда. И что я хочу на тебе жениться.

Надежда внимательно, с печальным и искренним недоумением посмотрела на него:

– Честное слово, не помню, Илья!

– Конечно не помнишь. Потому что ты тогда писала записки Боцману.

Она просияла:

– О, Витя Клиماشкин! А ты не знаешь, где он?

– Где же Боцману быть? Мичманом служит на Северном флоте... Ты же не ходишь на вечера встречи. А в прошлом году было ровно десять лет, как мы закончили школу. Витька приезжал, весь в значках, аксельбантах. Про тебя спрашивал.

– Не люблю встречаться с прошлым. – Она покачалась в кресле. – И что же я ответила тебе?

– Дословно? – Илья навис над креслом.

– А ты помнишь дословно?

– Такое не забудешь. «Терпеть не могу очкариков, – сказала ты. – В очках они все слишком серьезные, но очень смешные, когда их снимают».

Надежда помедлила и подняла к нему лицо.

– Это я была такая умная в пятом классе?

– Не по возрасту...

– Ладно, а когда ты сделал второе предложение?

– На выпускном вечере. Это ты должна помнить!

– Покачай меня, – вдруг попросила Надя, устраиваясь с ногами в кресле. – Если бы топился камин, было бы очень уютно.

– Я сейчас затоплю!

– Не нужно, качай!

– Как скажешь. – Он стал старательно раскачивать кресло.

Надежда прикрыла глаза.

– На выпускном я сказала, что буду поступать на факультет журналистики.

– Да, и в связи с особым характером работы лучше всего быть незамужней.

Она встрепенулась, спросила с возмущенной горечью:

– Неужели я была такая глупая?

– Не по возрасту...

– И ты готов сделать мне предложение в третий раз?

– Бог любит троицу.

Надежда внезапно вскочила и пошла в глубь пентхауса, попутно отталкивая скользящие по направляющим перегородки. Илья остался на месте, ибо бежать следом было бы нелепо. Стоял с поникшими плечами, смотрел на ее удаляющийся силуэт и еще больше сутулился. Стук каблучков сместился вправо, и скоро она появилась откуда-то сбоку.

– Нет, сэр Дюк, ты еще не готов, – сказала жестко. – Не вижу цветов, не слышу слов о любви...

– Сейчас будут цветы и слова, Петрова!

– Не спеши. У тебя есть еще девять дней. Приготовься как следует.

– Почему девять?

– Столько времени придется отрабатывать на Останкино. – Надежда привычным жестом закинула сумочку за спину и пошла к выходу. – А там, сам знаешь, особый характер... И лучше быть незамужней...

– И ты сейчас вот так... уйдешь? – Мгновенно погасший Илья не мог скрыть растерянности. – Я заказал ужин из ресторана, цветы! Надя?

У двери она обернулась:

– А ну, сними очки!

– Зачем?

– Сними!

Илья опустил голову, неловко сдернул очки и, помедлив, взглянул на Надежду. Она смотрела на него грустно и радостно.

– Да, я всегда была глупая... Ты совсем не смешной, а очень даже милый. – И погладила его по щеке. – Ну потерпи еще немного, не сжигай мою лягушачью шкуру.

– Надя! – Он схватил ее руку, она вырвала ее.

– Все, не провожай меня!

И скрылась за дверью.

Возле издательства они разминулись всего на несколько секунд: Надежда уже села в такси, когда увидела подходившего к воротам Ивана. Она не ожидала такого оборота, на мгновение замерла, потом толкнула дверцу.

– Что такое? – встревоженно спросил водитель.

– Погодите минуту...

Но не вышла – передумала в последний момент. Дверца хлопнула.

Иван позвонил в калитку и ждал, засунув руки в карманы длиннополого кожаного плаща. Охранник, только что проводивший Надежду, не появился, а, видимо, включил двустороннюю связь: Иван что-то заговорил в белый кружок микрофона.

Его не впускали. Озябший на ветру, он ждал и что-то снова говорил, пока наконец не вышел охранник. Иван показывал ему удостоверение и опять что-то объяснял.

Надежда смотрела на него, прислонясь виском к стеклу, и ничего, кроме бабьей жалости, не испытывала.

– Поехали, – скомандовала наконец водителю и взглянула на проплывающий мимо салон для новобранцев.

Тот с пониманием вздохнул и вырулил на дорогу...

Таксист сочувственно поглядывал на пассажирку в зеркало заднего обзора.

– Возле углового дома остановите, – попросила Надежда.

Машина остановилась. Она подала деньги.

– Вас подождать? – вдруг спросил таксист.

– Нет, спасибо.

– Но вы ведь не здесь живете?

Она насторожилась, чуть поспешно отворила дверцу, бросила грубовато:

– С чего вы взяли?

– Обычно просят подвезти к подъезду...

Надежда захлопнула дверцу и не оглядываясь направилась во двор.

Синие ветреные сумерки, низкие тучи, предчувствие холодного осеннего дождя...

Во дворе того самого сталинского дома Надежда не спеша прошла мимо одного подъезда, а возле другого, среднего, остановилась, дернула за ручку – нет, кодовый замок...

Она отошла в глубь двора, остановилась и посмотрела на окна четвертого этажа с балкончиком.

Только в трех окнах было темно...

Надежда с оглядкой приблизилась к одной из «ракушек», но тут из подъезда вышел мужик с мусорным ведром и спугнул ее. Она отступила к качелям, проверила платочком, чисто ли деревянное сиденье, села и начала тихо раскачиваться.

И вместе с нею раскачивались три темных окна...

Потом ей стало холодно, замерзли руки на железных прутьях. Она остановила качели и принялась дышать на пальцы. На улице зажглись фонари, отчего во дворе стало еще темнее. Надежда порылась в сумочке, нашла фонарик-зажигалку, попробовала – горит. Затем осторожно пробралась к «ракушке», огляделась и, прильнув к щели, посветила...

В жестяной коробке стоял синий джип с тремя дверцами.

Она выключила фонарик, взглянула еще раз на темные окна и застучала каблучками по асфальту.

Такси возле дома не было. Надежда постояла у бордюра и направилась за угол, на более оживленную улицу, вспомнив, что заметила там остановку городского транспорта.

От рекламы и фонарей было светло, однако после темноты двора ей показалось, что фары машин слепят и выбивают слезу. Она несколько раз взмахнула рукой – никто не останавливался. Достала платок, стала промокать глаза и вдруг поняла, что это идет дождь...

Охранник так и не открыл и шагом бывшего вояки удалился в особняк. Иван пнул калитку, отошел от забора и, спрятавшись под деревья, начал осматриваться. Весь периметр забора явно находился под видеонаблюдением – на одном углу здания торчали камеры, однако с тыльной стороны к территории издательства вплотную примыкал детский сад, точнее, игровая площадка с пестрыми беседками и песочницами, устроенными в густой тени старых раскидистых лип и каштанов. А поскольку уже вечерело, но охранное освещение еще не включали, то камеры вряд ли давали ясную картинку.

Еще на глаза ему попался салон для новобрачных на противоположной стороне улицы. Иван поежился от ветра и решительно зашагал в сторону яркой рекламы.

В салоне он меланхолично пробрел мимо вешалок со свадебными платьями и костюмами, отыскал то, что требовалось, – винный отдел, а точнее, стеклянный шкаф с дорогими коньяками, знаком подозвал девицу.

Та открыла дверцу, вручила Ивану темную бутылку и сама пошла за ним – сопровождать до кассы, чтоб не слинял. Иван рассчитался, сунул бутылку в карман и направился обратно через бульвар к детскому саду.

Держась подальше, он обошел стороной детсад, выбрал место, перемахнул через изгородь и приблизился к забору. В песочнице сидели подростки, курили и пили пиво, ветер срывал листву и нес ее в сторону издательства – все на руку.

Иван потряс решетку, подождал и спокойно перебрался на территорию противника.

– Эй, мужик! – окликнули подростки. – Гляди, там охрана!

Уже под стеной особняка осмотрелся: свет горел лишь на третьем этаже, а окна первого были чуть ли не вровень с землей. Иван прошел вдоль стены в одну сторону – дверь черного хода оказалась запертой, окна закрыты. С другой стороны здания он обнаружил пожарную лестницу, висевшую над широким козырьком, прикрывающим въезд в подземные гаражи.

Он вскарабкался на козырек, поднялся по лестнице до третьего этажа – пожарный выход тоже был заперт. То же самое – на всех других этажах. Последний пролет лестницы упирался в широкий стеклянный балкон чердачного этажа, в полу которого виднелся люк.

Иван толкнул его головой – поддалось!

Высунувшись по пояс, огляделся: вокруг пальмы, карликовые деревья, какие-то южные растения – зимний сад. Он выбрался из люка, открыл стеклянную дверь – в сумрачном пространстве пентхауса было тихо и пусто. Не скрываясь, Иван обошел комнаты, наткнулся на туалет – как нельзя кстати, прикрыл за собой дверь...

Потом спустился по черной лестнице на шестой этаж – в холле горел свет, но было пусто. Иван снял плащ, попробовал открыть одну дверь, вторую, третью – заперто. Тогда он сел на мягкий диван, взял рекламный проспект книг издательства «Фатум-пресс» и стал листать...

Надежда стояла под дождем на остановке неподалеку от сталинского дома, и было не понять, плачет она или радуется дождю. Спасал теплый кожаный плащ, иначе бы давно промокла. Машины не останавливались, слепили фарами и катили мимо. Наконец подъехал троллейбус, открыл двери и задержался чуть дольше, чем обычно, – словно приглашал последнего оставшегося на остановке пассажира.

Надежда решила, запрыгнула на ступеньку задней двери, и троллейбус повез ее вдаль от темной громадины сталинского дома – в заднем стекле белым пятном светилось ее лицо...

Иван тонул в мягком английском диване и пролистывал уже третий каталог, когда в холл шестого этажа вошел Илья. Он не ожидал увидеть здесь кого-либо в выходной день и потому сбавил шаг, недоуменно взирая на незваного гостя.

– А, господин издатель? – Иван отбросил журнал, но не встал. – Да, вас поджидаю. Наслышан, наслышан... Присаживайтесь.

Илья не сробел, однако, смущенный тем, что лицо Ивана ему знакомо, но он не может вспомнить, откуда и кто он, невольно подчинился и присел на край кресла.

И этого было достаточно, чтобы гость почувствовал себя хозяином положения.

– Хотел предложить вам свой роман, – сказал он с явной насмешкой. – Но теперь сомневаюсь, нужно ли?... Вы же печатаете кровожадные детективы для домохозяек и пенсионерок! – Иван постучал пальцем по каталогу. – Это, скажу я вам, не имеет никакого отношения к великой русской литературе.

Этим самым он еще больше сбил его с толку. Илья сел чуть глубже, но держался все так же прямо и скованно, хотя кресло располагало к вальяжности.

– Простите, какой у вас роман? – совсем уж лишнее спросил он. – Имеется в виду, жанр?

– Любовный! – язвительно изрек Иван. – Главная героиня – Надежда Петрова. Тележурналистка, занимается культурным блоком новостей... Лауреат двух журналистских премий, между прочим!

Илья вскочил как ужаленный, и сделал это зря, ибо гость рассмеялся и замахал рукой:

– Да вы сядьте! Сядьте, господин Сердюк! Ну что вы, ей-богу? Владелец «Фатум-пресса», а словно пылкий юноша...

– Зачем вы сюда пришли? – угрожающе спросил Илья.

Иван развалился и закинул ногу на ногу.

– Познакомиться, побеседовать... Может, удержать от опрометчивых шагов. Из мужской солидарности.

Илью всегда обескураживала наглость, в такие минуты он терял все нужные слова и веские аргументы.

– Как вы сюда попали? – возмутился он. – Издательство закрыто! Сегодня выходной!

– По пожарной лестнице.

– Я вызову охрану! Вас отсюда выкинут!

Иван медленно поднялся, засунул руки в карманы брюк, блатной походочкой приблизился вплотную – Илья не отступил, но зачем-то поправил галстук и застегнул все пуговицы пиджака, словно офицер перед расстрелом.

– Я с добром пришел, братан. По-мужски поговорить. Ну, на стрелку, как говорят в вашем мире, один вопрос перетереть.

– В нашем мире так не говорят!

– Как это? – цинично изумился Иван. – Ты книжки-то читаешь? Те, что издаешь? Там такое говорят! Уши вянут!

– Я не намерен обсуждать это с вами!

– А мы и не будем. У нас есть другая тема, животрепещущая.

– Не хочу с вами разговаривать!

– Напрасно, Илюша. – Иван вразвалку прогулялся по холлу. – Ты собрался сделать ответственный шаг – жениться. Умный, образованный, интеллигентный человек, правильно воспитанный родителями. Такие люди женятся раз и навсегда. Узы брака для них священны! Тем более ты достиг положения в обществе, есть вот такая собственность. – Он посмотрел в потолок. – Единая и неделимая... Но я не об этом хотел сказать.

– Слушайте, Беспалый! – Илья начал приходить в себя. – Я не нуждаюсь в ваших советах и предостережениях. И вообще, ничего не собираюсь с вами обсуждать! Тем более свою личную жизнь. Какое вам до меня дело? Что вы суетесь?

– До тебя лично, господин издатель, и в самом деле нет никакого дела. – Иван похлопал его по плечу, заставив того увернуться от руки. – Но между нами, как во всяком любовном романе, встала женщина.

– Я знаю, Надя была вашей любовницей, – жестко проговорил Илья. – Но это меня ничуть не смущает!

– Похвально. Это делает вам честь, – серьезно отметил Иван. – И свидетельствует об искренности чувств.

– И еще я знаю, что Надя вас бросила! Да! Отвергла! Она сделала выбор! И потому вы сюда прибежали! Влезли по пожарной лестнице!

– Ты слишком много знаешь, Илюша, – ухмыльнулся Иван. – И как только жив до сих пор?

– Не юродствуйте, Беспалый! Вы проиграли!

– Может, тебе даже известно, почему отвергла?

– Представьте себе! – Илья заговорил с мстительным удовольствием. – Вы соблазнили Надежду, будучи в Североморске. И несколько лет обманывали. Вводили ее в заблуждение! Вы все время обещали уйти от жены и жениться на Наде! А сами и не собирались этого делать! И в результате ваша жена забеременела!

– В результате – да! – невесело засмеялся Иван. – Любопытная у тебя логика...

В этот момент в холл быстро вошел крепкий седоватый мужчина, причесанный и ухоженный, рука под мышкой, в ухе фишка с проводком, уходящим под воротник. Цепким, всевидящим взглядом он окинул присутствующих.

– Что случилось, Илья Николаевич?

– Ага! – обрадовался Илья. – Это мой начальник службы безопасности! Вы влипли, Беспалый! Уведите его, полковник!

– Это ты влип! – дерзко перебил тот. – И я сейчас могу уйти!

– Тебя уведут!

– Ну и пусть! А ты останешься и никогда не узнаешь, зачем я приходил.

Полковник выдернул из кармана наручники – Иван кротко протянул ему руки.

– Погодите! – остановил Илья. – Я ему еще не все сказал. Вызову позже.

– Буду за дверью. – Тот послушно удалился.

– Ну, говори! – поторопил Иван. – А то твой цербер ждет.

– Вы бессовестный человек. – Прежний задор у Ильи угасал. – Вы манипулировали чувствами Нади. Вы играли с ней в дурную игру! Надя мне все рассказывала.

– И ты, как батюшка, отпускал ей грехи? Наши с ней?

– Она мне доверяла! Она мне все доверяла... еще со школы!

– И это все?

Иван молча подошел к дивану, поднял свой плащ, и Илья подумал, что соперник сейчас уйдет, – удовлетворенно усмехнулся.

– Можете спуститься на лифте. Вас выпустят.

Но Иван достал из кармана коньяк, не спеша поставил на журнальный столик и швырнул плащ обратно.

– А известно ли тебе, знаток женских душ, – с расстановкой проговорил он, – что мы оба остались в дураках? И что у Нади есть третий, который умеет танцевать? И которого она по-настоящему любит? И будет любить всю жизнь.

Он сел на прежнее место и развалился на диване, наблюдая за реакцией. У Ильи вмиг запотели очки. Он сдернул их, став беспомощным, достал платок и начал протирать линзы.

– Стаканы давай! – Иван сорвал упаковку с горлышка и выбил ударом ладони пробку. – Чего стоишь?

Глава 3

Надежда вышла из троллейбуса где-то на Садовом кольце. Косой дождь и ветер били в спину, толкали вдоль мокрой улицы. Она прошла немного, свернула за угол и очутилась перед входом в танцевальный клуб. Швейцар в ливрее распахнул дверь и старомодно поклонился, гардеробщик принял плащ, метрдотель провел ее в просторный, освещенный посередине и полупустой зал, усадил за столик возле стены.

– Вы прекрасно выглядите!

– Спасибо.

– А вы сегодня танцуете?

– Нет, я сегодня отдыхаю.

– Приятного вечера!

Ее здесь знали...

Подбежал официант, музыканты вышли на подиум, взяли инструменты.

Испанский ритм, тот самый, под который они танцевали с Андреем, всколыхнул воздух, а дробный стук каблуков и кастаньет рассыпался по залу.

На круге оказалась профессиональная пара, которая провоцировала, зазывала немногочисленную публику. И скоро из глубины зала вышли еще двое – парень лет семнадцати и совсем юная девушка.

Он был очень серьезен, лицо застыло в маску от напряжения, а она, уже по-женски манящая, пыталась вдохновить его на *радость танца*.

Надежда сидела в тени, молитвенным жестом сложив ладони и прикрыв глаза...

Она вышла из электрички на платформе «Соколово» с большой сумкой и Графом на поводке. Пес закрутился, заметался по сторонам от иных, свежих запахов, прыгал в высокую траву, путался в ней и весело лаял.

На траве Надежда сняла босоножки и спустила собаку с поводка.

– Только не удирать!

Пес помчался по деревне, нюхая следы. Отыскал нужный дом, остановился и залаял.

Надежда тем временем скинула кофточку, надела темные очки и превратилась в дачницу.

Она босиком вышагивала по траве с видом независимым и вдохновенным.

Во дворе дома уже поджидал Игорь Александрович. В шортах и майке, на голове бандана – заправский пират, ни дать ни взять. Но взгляд, величаво-отстраненный, делал его похожим на всеумудрого отшельника.

Он открыл калитку, впустил пса, и тот запрыгал возле ног с радостным визгом.

– Но-но, ушастый! – строго сказал хозяин. – Соскучился, что ли?

– Привет, пап! – Надежда чмокнула его в щеку. – Ты нас не ждал?

Он перевел взгляд на сумку.

– Неужели в отпуск?

– Нет, пап. – Она поставила сумку и села на крылечко. – Слушай внимательно... Тут сухой корм для Графа. Но много не давай, он меры не знает. Опять колики замучают. И смотри, чтоб была вода...

– Есть! – по-солдатски отозвался отец.

– И еще, посади его на цепь, пап.

– На цепь?

– Боюсь, опять убежит – не найдешь.

– Нет, на цепь сажать не буду, – упрямо заявил Игорь Александрович. – Ничего себе, привезли собаку на природу!

- Тогда следи за ним. На ночь домой запускай.
- Книги привезла?
- Только два сборника, пап. Сальваторе Квазимодо Франц Верфель. Жана Фоллена не нашла...
- Опять из библиотеки?
- Пап, у нас же поэзию лет пятнадцать уже не издают. Тем более западную... Договорилась на три месяца.
- Да... – Он усмехнулся. – Значит, теперь будем жить вдвоем с лопухим...
- Отец сел рядом, и пес тут же полез к нему на колени.
- Тебе веселее будет. Но гулять обязательно на поводке! И недалеко!
- А тебе как будет?
- У меня работы много. Поздно приезжаю, он, бедный, скулит. Опять не вытерпел, на лестнице наделал.
- Он взирал на дочь со спокойствием старца.
- На что мне собака?
- Ты же весной сам просил Графа?
- Если бы ты мне своего жениха привезла и показала. А лучше сразу внука. Я бы тогда успокоился.
- Пап, ну прекрати. – Надежда поморщилась. – Не надоело? Одно и то же каждый раз... – Но тут же засмеялась: – Я тебе одного жениха привозила, так ты его прогнал.
- Какой это жених? Чужой муж! Привозила она...
- Надежда по-детски приласкалась.
- Не сердись, пап. Что делать, если нет уже свободных, смелых и решительных мужчин? Как ты, например? Сколько тебе было, когда ты на маме женился? Вот! А мама была в два раза моложе.
- Не заговаривай мне зубы. – Он оставался непреклонным. – Как вы наловчились увилывать! И в телевизоре вы точно такие же, ничего прямо не скажут... Любить вы не умеете, вот что.
- Ты опять обобщаешь...
- Он не услышал.
- Образование получили высшее, а чувства у вас остались на уровне начальной школы. И хватает их только на собак да кошечек... Останешься вон с ушастым век доживать! И меня оставишь, с Жаном Фолленом...
- Не оставляю, – вдруг серьезно возразила она. – Кажется, я встретила того единственного. И неповторимого. Его зовут Андрей.
- Отец поверил, но со старческой иронией махнул рукой:
- Потом опять что-нибудь найдется. Три жены, алименты...
- Он не женат, папа. И никогда не был...
- Молодой, что ли?
- Ему тридцать пять лет.
- И холостой? Не поверю. При нынешних-то соблазнах. Кто такой? Чем занимается?
- Не знаю, пап, – обреченно вздохнула дочь. – Говорит, ассенизатор.
- Ну! Понятно... Ничего про себя не рассказывает?
- Ничего. Ездит на джипе с мигалкой. Куда-то улетает, потом прилетает... Но как он танцует, папа! Мы с ним даже какой-то приз завоевали...
- На джипе с мигалкой и танцует? Прохиндей.
- Мне так не кажется... Он невероятно сильный человек, но при этом очень спокойный. А когда танцует – взрывной, ярый какой-то... И глаза все время печальные. Прохиндеи ведь не умеют печалиться, правда?

Отец не ответил, сдержанно приласкал собаку, пряча скупую одобрительную улыбку, и вдруг встрепенулся.

– А что мы сидим тут? Пойдем, угощу тебя свежими грибами.

– Мне уже пора. – Надежда встала. – Сейчас будет электричка... Давай книги, которые не нужны, и я поеду...

– Ладно, проводим, – согласился Игорь Александрович. – Ну что, лопухий? Остаешься со мной? Вот уж мы с тобой побродяжим!

Они сидели в роскошном, английского стиля, кабинете Ильи, в одинаковой позе, облокотясь на приставной стол. За спиной Ивана топился камин. Перед каждым стоял стакан с коньяком и две открытых коробки с сигарами. Оба курили и гасили окурки о каталог. И окурков было порядочно – разговор шел давно, долгий и невеселый.

– Ну, давай, Илюх! – Иван поднял стакан. – Студенческий тост – за любовь.

Мрачный и уже пьяненький Илья молча чокнулся и выпил до дна не поморщившись, после чего выудил новую сигару и стал неумело прикуривать.

– Из семьи я не мог уйти сразу, – продолжал рассказывать Иван. – Из-за дочки... Маргарита слишком рано повзрослела. Все видела, все понимала... В смысле, наши отношения с женой... Не зря говорят, дочери тянутся к отцам. Тот самый случай, все время на моей стороне... И я однажды заметил, она начала дерзить Варваре...

– Варвара – это кто? – уточнил Илья.

– Моя жена.

– А-а... Ты мог уйти. И не ушел, потому что не любил Надю.

– Любил. И сейчас люблю. Не в этом дело...

– В этом, в этом, Ваня! – Илья резко пристукнул кулаком. – Тебе нравилось развлекаться с ней, ездить на дачу, на природу... А потом ты шел в семью как ни в чем не бывало... Ты никогда не думал о ней! О ней! Потому что думал о себе. И вот сейчас все это кончилось.

– Давно кончилось...

– Тем более...

Иван повесил голову.

– Наверное, ты прав, господин издатель...

– Не наверное – а прав! – Илья перевернул бутылку над своим стаканом, но в ней оказалось пусто, и удивленно пожал плечами: – Как можно любить одну женщину и спать с другой? И не год, не два, а целых пять?

– Илюха, ты мастодонт.

– Да, меня так воспитали! Вернее, я сам себя воспитал. В старых и добрых английских нравах.

– Тебя просто никогда не любили женщины.

– Как это – не любили? – возмутился Илья. – Сколько угодно! Особенно в последнее время!

– Они не тебя, Илюх, они твои бабки любили.

– Другое дело, я всю жизнь люблю одну Надежду!

– С пятого класса?

– С пятого! – Он схватил Ивана за рукав. – Пошли!

– Куда?

– Пошли-пошли!

Иван подчинился. Илья ногой распахнул внутреннюю дверь, пропустил Ивана вперед.

– Вот, смотри! Теперь это кабинет пиар-директора Надежды Петровой.

– Круто. Футбол гонять можно.

– Кабинет дождался свою хозяйку.

– Дождь? – с насмешливым изумлением переспросил Иван.

– А теперь иди вот сюда! – Он ткнул рукой в окно. – Видишь салон? Я совсем скоро отведу ее туда!

Иван придирчиво осмотрел его с ног до головы, неожиданно ловко сдернул очки и так же ловко опять нацепил Илье на нос.

– Не исключено, – резюмировал он. – Но запомни: наша с тобой надежда на лучшую жизнь может сбежать от тебя в свадебном платье. Из магазина.

Илья поправил очки и рассмеялся:

– Это не простой магазин, Ваня! Из него обычно не сбегают!

– Почему?

– В этом салоне, в укромном месте, есть небольшой зальчик, – снисходительно поведал Илья. – И сидит там приятная тетка из местного ЗАГСа. За хорошие бабки обвенчает в три минуты. Под марш Мендельсона. А на втором этаже роскошный ресторан. Для соответствующих торжеств. Сервис!

Иван молча подался обратно, в кабинет Ильи.

А тот с чувством превосходства последовал за ним, еще раз вознамерился налить коньяка, со стуком уронил бутылку на стол и нетвердым шагом двинулся к бару.

Иван педантично поставил бутылку на пол.

– Никогда не ставь пустую посуду на стол! – сказал вслед Илье. – А то будет тебе... сервис!

– У меня пусто не будет! – Тот уже открыл бар. – Гляди, нам все не выпить!

У Ивана был свой ключ, и потому он застал Надежду врасплох: она только что вернулась с работы и переодевалась в спальне. Прямые лучи летнего заходящего солнца били в окно, высвечивая комнату и ее полуобнаженную, загорелую фигуру.

Иван тихо снял ботинки, прислушался и в предвкушении радостной встречи на цыпочках прокрался к открытой двери спальни.

Заглянул, любовался...

– Разрешите ворваться. – И добавил громко и насмешливо: – С корабля на бал?

Надежда резко обернулась, испуганно схватила халат.

– О боже! Как напугал... – Торопливо оделась. – Между прочим, нужно стучаться.

Он постучал в дверь.

– Тук-тук! Здравствуйте! Вы меня ждали?

– Привет, ты откуда?

– Оттуда. – Иван обнял ее, хотел поцеловать в губы. Надежда увернулась, подставила щеку.

– И сразу же ко мне? – спросила легко и, отстранившись, ушла из его рук.

– Да, не смывши пыль дорог... – Ее поведение насторожило Ивана. – Мы разминулись с тобой на полминуты. Я из аэропорта в Останкино, а там говорят – только что ушла...

– Лучше бы ты заехал домой, Ваня, – посоветовала она, направляясь на кухню. – Смысл бы пыль, увиделся с женой и дочкой...

– И не увиделся бы с тобой. – Он шел следом. – Я тебе звонил из аэропорта – ты вне зоны.

– На метро ехала... А домой ты позвонил? – Она поставила чайник на плиту, включила газ.

Иван сел на табурет, расстегнул рубашку – жарко...

– Нет, разумеется...

– Готовишь сюрприз? Правильно. Когда неожиданно, всегда больше радости.

Раньше у них были совершенно иные встречи – жаркие, когда вцеплялись друг в друга еще у порога.

Иван открыл окно на кухне и закурил, наблюдая за Надеждой, хлопавшей дверцами шкафов: она была смущена, чувствовала себя неловко и от этого много двигалась, пытаясь скрыть бурю в душе.

Но он все это видел.

– Надя, не опережай события. – Это была их давняя, неисчерпаемая тема. – Все развивается по законам жанра. Варваре я уже сказал, еще до командировки...

– Есть будешь? – обыденно спросила она, гремя сковородками.

– Нет. И знаешь, она встретила это спокойно!

– А я так проголодалась. – Надежда высыпала из пакета в сковородку мороженный гуляш. –

Целый день съемки...

– Я даже растерялся... Говорит: «Я давно об этом знаю и устала смотреть, как ты разрываешься».

– Не разрывайся, Ваня.

Он сделал паузу, вышвырнул окурок за окно.

– Хочешь, я останусь сегодня и навсегда? А завтра мы едем на речку купаться.

Мороженные овощи тоже полетели в сковороду.

– Ты уже однажды оставался... И обещал поехать на речку. А утром ушел.

– Потому, что позвонила Рита.

– И еще позвонит...

– Нет, она уже совсем взрослая... – Он скинул рубашку. – Итак, я остаюсь! Ну-ка, корми меня, жена! У меня появился аппетит!

– Твоя жена дома, Ваня.

– Я говорю серьезно!

– Я тоже.

– Не понял! – Он еще не терял азарта. – Муж прилетел с войны, голодный, пыльный, пропахший порохом. А она отсылает его бог весть куда! Ничего себе встреча!

– Отсылаю тебя туда, где взяла, – не глядя, проговорила она. – Там тебе будет лучше, Ваня.

Он увял, закурил еще одну сигарету.

– К тебе приходила Варвара?

– С какой же стати? Или ты сообщил ей мой адрес?

– Нет... Если только в Останкино.

Надежда чего-то испугалась и опустилась на табурет.

– Я сейчас представила... А вдруг она правда когда-нибудь придет? Кошмар... Что я скажу ей? Какими глазами смотреть стану?

– Успокойся. – Он попытался приласкаться. – Не придет. Она гордая женщина.

– Нет, я просто представила... Ваня, иди домой. Пожалуйста.

– Да что случилось?

Она на мгновение заколебалась – хотела сказать, что именно, но в последний миг передумала. Вместо этого задумчиво спросила:

– Знаешь, меня уже давно мучает одна мысль. Зачем Крикаль свел нас?

– Крикаль? – изумился он. – Ты считаешь, он свел?

– А кто отправил нас в ту памятную командировку? В Североморск? Прикрепил меня к тебе в качестве стажера?

– Это же естественно, – неуверенно ответил Иван. – Тогда ты была молодым специалистом...

– А мне кажется – неестественно... Ты просил его об этом?

– Я? Да боже упаси... Думал, это судьба свела.

– Сначала я тоже так думала... А потом начала вспоминать... И вот что странно: после Североморска Стас очень сильно изменился. По отношению ко мне. Стал приглашать в свою опочивальню, угощать чашечкой кофе, потом выдвинул на премию... Странно, да? И никогда не пытался ухаживать. Бескорыстный, как отец родной.

– Мне это никогда и в голову не приходило!

– Мне приходило... Но я подумала, коль вы с ним старые друзья, то каким-то образом это относится и ко мне. Ну, отраженным светом, особое покровительство, что ли...

– У нас со Стасом непростые отношения...

– Я это вижу. Тогда тем более странно. И мне кажется, ты знаешь, в чем тут дело. Но говорить не хочешь.

Он и в самом деле не хотел, поэтому спросил уже с раздражением:

– Надь, ты можешь объяснить, что произошло, пока меня не было?

– То, что и следовало ожидать. Когда-нибудь...

– Значит, что-то пошлое. Например, ты встретила другого.

– Что же в этом пошлое? – с вызовом спросила она.

– Надо было сразу и сказать... Кто такой?

– Не знаю. Очень хорошо танцует...

– Ах танцует! Тогда понятно... И что, выходишь замуж за этого танцора?

– Нет...

– И все равно мы с тобой расстаемся?

– Друзьями, Ваня, – деловито уточнила она. – Ты же сам чувствуешь: наше взаимное увлечение давно переросло в дружбу... Ну или во что-то подобное.

– Вот это сюрприз, – после паузы обреченно проговорил Иван. – Дружба – это, конечно, здорово...

Надежда подала ему рубашку.

– Тебя ждут дома, Ваня. Я же представляю, как там волнуются, особенно дочь...

– У тебя хорошее воображение. – Он взял рубашку и держал, будто не знал, что с ней делать. – А раньше ты этого не представляла?

– Все пять лет, начиная с Североморска. И знаешь, устала воображать...

– Варвара – жена чужая, – произнес он, глядя в окно. – Моей так и не стала...

– Вот как? – обидчиво изумилась она. – Прожили столько лет, родили ребенка. И чужая?

Ты потом и обо мне вот так же скажешь...

– Нас с тобой связала судьба. На берегах холодного моря...

– А кто тебя связал с женой? Случай? Или тебя насильно женили?

– Я выкрал Варвару, – вдруг признался Иван. – Еще в студенчестве. Увел, можно сказать, из-под венца... О, какие страсти были! Ну и в результате она так и осталась чужой женой. Потому что между нами как будто все время присутствовал этот... ее бывший муж! Он, как призрак, до сих пор живет в нашем доме!..

– Значит, теперь я должна отвечать за твое прошлое? – после паузы жестко спросила Надежда.

Он удивленно поднял глаза – никогда не слышал от нее такого тона.

– Надя?..

– Извини, Ваня, я устала от неопределенности. Ступай домой.

Иван молча надел рубашку, затем в передней – ботинки, помедлил у двери.

– Надя, я ухожу!

– Оставь ключи в прихожей, – донеслось из кухни.

Брякнули о столик ключи, потом захлопнулась дверь, и от этого звука, как от выстрела, Надежда упала на стул и уронила голову в ладони.

В солидном баре выстроилось десятка четыре разнокалиберных бутылок.

– Это смотря сколько сидеть! – не сдавался Иван. – Но ты запасливый мужик! Во! Супер!

Илья вернулся с коньяком – держал бутылку как гранату и был настроен решительно.

– Я его закажу, – глухо объявил он.

– Кого?

– Этого... Который у Надежды... Третьего!

Иван отнял у него коньяк, раскупорил и разлил в стаканы.

– А закусить нечем? – спросил деловито. – Без закуски надеремся.

– Я закажу его! Только между нами...

– Кого, Илюша? Как закажешь, если ты его не знаешь?

– А ты мне скажешь кого.

– Не скажу. – Иван выпил.

– Почему?

– Я его тоже не знаю.

– Но ты же говорил, что шпионил, выслеживал и видел их вместе?!

– Выслеживал, видел. И не раз...

– В лицо видел?

– Издалека...

– Узнаешь?

Иван сел и откинулся на спинку дивана.

– Илюха, ты что? Мне хочешь его заказать?

– Нет, ты не потянешь на киллера... Ты должен будешь его опознать. А профессионалы сделают свое дело.

– Да, господин издатель, – насмешливо протянул Иван. – Похоже, ты начитался романов, которые издаешь... Или тебе вовсе нельзя пить. И на хрен тогда тебе столько коньяку?

Илья наперекор выпил полстакана, крикнул и опять взялся за сигару.

– У тебя нет мотива скрывать его.

– Я и не скрываю.

– Где они обычно появляются вместе?

– В ночном клубе на Садовом. Дважды видел там.

– Что они делали?

– Что делают в клубе? Выпивали, разговаривали. А потом долго танцевали.

– Танцевали?! Классические танцы?

– А что особенного? Между прочим, здорово. Как артисты.

– Значит, он профессиональный танцор, – голосом следователя заключил Илья. – С любителями Надя танцевать не станет.

– Я вообще впервые увидел, что она танцует!

– Потому что не любил ее! За пять лет ваших свиданий тебе ни разу не удалось разжечь в ней желания танцевать!

– Да тебе, Илюш, пора стихи писать!

Илья на издевку не обратил никакого внимания.

– Установить, где работает, – раз плюнуть. Дам поручение службе безопасности. В лицо запомнил?

– Ну, относительно...

– Составим фоторобот.

– Илюх, ты что, идиот? Или прикидываешься? Он ездит на джипе с крякалкой и мигалкой. В основном по встречной полосе.

– Крутых мы видали...

– В том-то и дело, он не крутой. – Иван подпер голову кулаками. – Вежливый, с манерами... Танцует!.. Ну и пусть танцует. А мы с тобой споем, Илюха. Что-нибудь раздольное... Или нет, давай Хазбулата... Хазбулат удало-ой, бедна сакля твоя...

Надежда ехала уже на маршрутке, одна в салоне. За окном проплыло электронное табло «01 час 55 мин. Понедельник, 21 окт.». Она сверила часы и попросила остановить за перекрестком.

Вышла возле нового многоэтажного дома, пересекла гулкий пустынный двор, уверенно набрала код домофона на одном из подъездов и стала ждать.

– Это я, Марина, – сказала в оживший микрофон. – Пусти переночевать?

Вошла в подъезд, поднялась на лифте – на пороге квартиры уже ждала заспанная подруга в халате. Говорили громким шепотом:

– Ты откуда среди ночи, чудо?

– Гуляла, привет.

– Есть хочешь? – Марина закрыла дверь.

– Еще выпить и поспать.

– Может, тебе и мужчину?

– Спасибо, воздержусь. – Надя скинула мокрый кожаный плащ, перебралась в шлепанцы. – Что-то ты сегодня распушенная...

Они устроились на кухне.

– Потому что одна дома! – засмеялась подруга. – Все мои мужчины на даче остались.

– А что мы шепчемся? – засмеялись обе.

– Воспитанные потому что!

– И мой женишок на даче? – спросила Надя.

– Он за отцом как хвостик!

– Да ведь уже холодно и сыро...

– Что ты! Они там водой обливаются! – Марина зябко передернула плечами. – У них очередное увлечение. Каждое утро и вечер по ведру ледяной воды... А отец у тебя тоже на даче?

– Давно не была, надо бы съездить к нему... Все время ощущение – что-то случится...

Марина, видя ее напряженное, беспокойное состояние, попыталась перевести разговор на другое.

– Слушай, Надь, все хочу спросить... Сколько ему лет? Он, кажется, даже воевал?

– Не поверишь... Восемьдесят.

– Ого! Значит, отец сотворил тебя после пятидесяти?

– Примерно да, как вышел на пенсию...

– Вот это были мужчины! Я тут Димку пыталась склонить... Он, знаешь, что сказал? Мне, говорит, уже тридцать четыре. В таком возрасте человек разумный уже не размножается.

Отвлечь другой темой не удалось.

– Мне кажется, у папы появились навязчивые идеи, – задумчиво проговорила Надежда. – В прошлом году он на десять дней исчезал. До сих пор не знаю, где был. Соседу по даче сказал, в Москву поехал... А сам куда-то ездил. Не нравятся мне эти походы...

– Это старческое, – определила Марина. – А как у него с памятью?

– Позавидовать можно. Стихи наизусть читает.

– Странно...

– И к нему опять кто-то приходил.

– Кто? – со знобливым страхом прошептала Марина.

– Не знаю... Уже не первый раз к нему являются какие-то люди. Они с ним пьют чай и рисуют какие-то карты. Сама видела одну такую...

– Неужели он впадает в детство?
– По поведению не скажешь, совершенно здраво рассуждает... Мало того, эти тайные гости недавно принесли ему дерево.

– Дерево?

– Ну, палку такую, сучковатую. И папа сделал из нее посох.

Марина расширила глаза от холодящего ужаса таинственности.

– А зачем ему... посох?

– Сказал, третья точка опоры. Полагается ему по возрасту, поскольку нет внука. Но самое интересное не в этом. – Надя открыла сумочку и стала копаться в ней. – Сейчас, погоди... Вот!

Вынула что-то завернутое в салфетку.

– Что это?

– Посмотри и скажи что.

Марина развернула – на салфетке лежал отпиленный от дерева сучок, размером с тюбик помады. Она повертела его в руках, взвесила, зачем-то понюхала, ковырнула ногтем.

– Железо какое-то...

– Нет, это дерево, но очень похожее на медь.

– Чудеса... А где он взял?

– Говорю же, принесли гости. Один по фамилии Харламов, как хоккеист. И папа всю ночь пилил и строгал это дерево. Я утром с полу подобрала...

– Ты бы спросила откуда.

– Я и спросила... А он говорит, из Тридевятого царства.

– Сказки читает?

– Стихи... Знаешь, мне это очень не нравится, – с тревогой продолжала Надежда. – Когда я была совсем маленькая, мы с ним однажды искали это царство. По полю ходили, сразу после дождя. Такая у нас была игра... Будто, если оказаться на том месте, откуда начинается радуга, то можно найти вход... И вот в последнее время, я заметила, он снова стал искать. Еще дождь не кончится, он в поле... Я так боюсь за него!

Марина помолчала, потом протянула с бабьим вздохом:

– Ох, господи, голова кругом! И за что такие напасти?

– Мне нужно увидеть Андрея, – вдруг выдала Надежда. – И все сразу станет хорошо.

– Не обманывай ты себя! – отмахнулась Марина. – Не забивай голову.

– Я такая слабая оказалась... Совсем не держу удара. И опускаюсь, Марин. Я опускаюсь, даже за собой уже не слежу...

– Ну это брось!

Подруга спохватилась, метнула на стол несколько тарелок, включила микроволновку.

– Курицу подогрею... Сейчас мы с тобой вина выпьем!

– Не надо, Мариша!

– Да, кстати! Ваня Беспалый прилетел. Звонил тут... Про тебя спрашивал.

– Да-да...

Надежда взяла яблоко, надкусила и вдруг заплакала громко, навзрыд. Закрыла лицо руками, спина затряслась, а яблоко выпало и покатилося через всю кухню.

Марина обняла ее и тоже заплакала.

– Надь, ну ладно, Надь. Ну что теперь делать? Забудь ты его, гада! Сколько можно реветь по нему?

Надежда что-то силилась сказать – не получалось, только стон и сдавленные всхлипы. Марина налила воды, чего-то накапала.

– Выпей, Надь. И пойдем, я тебя уложу.

– Он меня отверг! – кое-как выговорила та. – Он... он оскорбил меня!.. Он... он... А я все равно... люблю его.

У нее вмиг опухли и покраснели глаза и нос. Некрасивая, дрожащая, сквозь стиснутые зубы и рыдания она кое-как выпила и уткнулась Марине в грудь.

– Знаешь... – заикаясь от спазмов в горле, заговорила Надя. – Как мы танцевали! Как его забыть? Мы так танцевали... У меня до сих пор... кружится голова...

– Ну, убить его мало!

– Не говори... Я дома спать не могу! Эти стены, эта кровать... Все кружится... Меня тошнит.

– Тошнит?..

– Нет, просто вестибулярный аппарат уже ни к черту...

– Знаешь, клин клином вышибают! Плюнь на все и выходи замуж! Где этот твой поклонник?

– Какой?

– У тебя что, навалом их? Школьный! С которым к Крикалю приходили. Ты бы взглянула со стороны, как он на тебя смотрит! И все, между прочим, тебе прощает.

Надежда притихла на мгновение, потом спросила прерывающимся шепотом:

– Тебе показалось... он любит меня?

– Это очень заметно! Очень!.. Ты что, сомневаешься?

– Знаешь, сегодня Сердюк хотел сделать мне предложение... Третье по счету.

– И не сделал?!

– Я не позволила... Вдруг испугалась...

– Чего, недотепа?

Она попыталась перевести дух, но слезы не давали сделать это – еще давили горло. Глядя блестящими глазами в одну точку перед собой, она слово за словом, как шаг за шагом, до конца высказала то, что мучило.

– Однажды он сказал... Давно, еще на выпускном вечере... «Все равно ты будешь моей...»

– Так замечательно! Настойчивый, последовательный мужчина.

– И он сделает все, чтобы покорить меня. Не посмотрит ни на какие... условия, обстоятельства... Даже если я опущусь, стану падшей... Все равно возьмет.

– Ну, это вообще!..

– Не торопись... Сейчас он все прощает. А что будет, когда покорит? Когда завоюет?.. Я боюсь, Мариша.

Она кое-как подняла с пола яблоко и стала обтирать его ладошкой, глотая слезы.

– Пойдем, умоешься. – Марина повела ее в ванную. – А я тебе постелю...

Надежда шла как пьяная, голова у нее кружилась...

Она лежала в постели, а перед глазами продолжалось это кружение, медленно перетекавшее в сон, который снился Надежде каждую ночь.

Тот, первый, вечер в танцевальном клубе поразил ее воображение. Или, скорее, отравил...

Она танцевала во сне с Андреем. Скорее всего – классический вальс под музыку Шуберта, причем их кружение, казалось, ничто не ограничивало: ни зал, ни игра оркестра, ни время. Точнее, их танец был единственным, самым первым вальсом, по образу и подобию которого создали все остальные вальсы на земле. Но и сказкой это не выглядело, напротив, все было реально и осязаемо, потому что там, где они танцевали, все время присутствовала собака Надежды – фокстерьер, который недовольно их облаивал.

В какой-то миг Андрей подхватывал ее на руки, и Надя ощущала чувство полета, но опять-таки не оторванное от реальности, потому что все равно слышался этот лай, а они с Андреем завершали танец в постели.

Музыка незаметно смикшировалась, и остался лишь возмущенный лай пса за дверью... Сон и явь путались, прорастали друг в друга. Андрей пытался разбудить Надежду: тихо смеялся, легонько трепал за нос и уши.

– Еще чуть-чуть, – попросила она.

– Вставай, на работу опаздываем!

Все плыло перед глазами, вместо Андрея перед ней почему-то оказалась Марина...

Потом они ехали в метро, и обе дремали. У Надежды из сумочки торчала кривая ручка мужского зонта, за которую цеплялись ноги пассажиров: вагон был набит до отказа.

На станции вывалились из дверей, встряхнулись, будто оттоптаннные курицы, оправили перышки, высоко подняли головы и пошли, красивые, гордые и независимые.

Потом ехали в маршрутке по улице Королева – две важные и неприступные особы.

И когда подходили к телецентру, Марина подытожила:

– Знаешь что, подруга... Выходи ты замуж за этого издателя. И наплюй на все. Иначе психушки не миновать.

– Я подумаю... – бесцветно отозвалась Надя.

Иван спал на английском диване, укрывшись плащом, а Илья – в кресле, неудобно откинув голову на спинку. Рот у него был открыт, и могучий храп разносился по холлу. Три пустых бутылки валялись под столом, гору окурков на каталоге венчали очки.

Иван проснулся, осмотрелся и сел, глянул на часы.

– Эй, подъем! Время восемь! – попинал Илью по ноге. – Сейчас твои служащие придут! А посмотри, в каком ты виде! Стыд и срам.

Все вокруг завертелось колесом.

Илья разлепил веки – не проспался.

– Я еще посплю...

– Рабочий день начался, хрен ты моржовый!

– Да?... – Тот встряхнулся, стал искать очки.

Иван сунул очки ему в руки. Тот подул на них, надел, огляделся.

– Какой ужас... Я сейчас все уберу!

Он попытался встать, но его заштормило – упал руками на стол и отвалился в кресло.

– У тебя уборщица есть?

– Есть...

– Придет и уберет.

Он замахал вялой рукой:

– Нет... Увидит... Это несолидно... Я никогда не позволял себе опускаться... Я сэр Дюк, понимаешь?

– Ну, сейчас ты не похож ни на сэра, ни на пэра...

– В том-то и суть...

– Ладно, сам уберу! – Иван сгреб каталог с окурками и бутылки, унес в туалет. Оттуда приволок ком туалетной бумаги. – Вытирай стол!

Илья принялся размазывать пепел и коньячную лужу, Иван надел плащ.

– Ты уходишь? – заморгал Илья испуганно и беспомощно. – И оставляешь меня... в таком состоянии?

– Привыкай, не маленький. – И тут Иван плюхнулся обратно на диван. – Ё-моё... Надо же заявление писать.

– Какое заявление?

– По собственному желанию... Слово было сказано.

Илья помотал головой:

– Погоди... Ты что такое говоришь, Вань?

- Вчера на меня Крикаль наехал...
- Кто такой?
- К кому вы с Надей приходили. – Иван пошел к двери, но вернулся с новой идеей. – Илюха, а ты на работу возьмешь?
- Тебя? – наставил тот палец.
- Меня.
- Илья засмеялся и погрозил ему:
- Не возьму!.. Я Надю беру! А если взять и тебя, то вы тут опять начнете! Не потерплю!
- А роман напишу – напечатаешь?
- Роман напечатаю.
- Поклянись!
- Чтоб я сдох! А про что роман?
- Иван открыл дверь.
- Про Надежду!

Надежда со съемочной группой снимала сюжет в детском театре. Совсем маленькие, пяти-шести лет, дети танцевали взрослый танец. Получалось очень мило и притягивало взгляд. Оператор косился на Надежду, ждал сигнала остановить камеру, но его не было.

Дети закончили танец и встали в исходное положение, устремив взоры на своего балетмейстера. И лишь тогда Надежда подала сигнал.

Потом она брала интервью у женщины-балетмейстера.

– ...К нам приводят даже трех-четырёхлетних детей, и я считаю, это оптимальный возраст для начала танцевального образования. Чувство ритма и ритмические движения, как и колыбельные песни, закладывают мироощущение. Разумеется, если эти ритмы имеют понятный, узнаваемый смысл и принадлежат к определенной этнокультуре. Языком танца можно объясняться иногда лучше, чем словом. Например, в любви, правда?.. Танцующий человек мыслит иначе, поскольку владеет не только словом, но и более выразительным инструментом, передающим чувства, – движением...

Съемочная группа ехала по Москве в микроавтобусе, шел дождь. Надя сидела возле окна, прижавшись виском к стеклу, и вспоминала еще одну встречу с Андреем.

Одетая уже по-зимнему, она обычным путем прошла мимо охранников и, оказавшись на улице, натолкнулась на знакомый синий джип, запорошенный снегом. Дверца открылась.

– Садитесь, девушка!

Пахнуло теплом, выплеснулась песня Талькова «Россия»...

Выходящие из здания люди вынуждены были огибать машину, на Надежду поглядывали с неудовольствием, но никто не роптал. Появление Андрея было столь радостным и одновременно столь внезапным событием, что все ее чувства и эмоции словно замерли, и Надя просто стояла перед раскрытой дверцей, будто забыв, что делать дальше.

В это время на служебной стоянке Иван прогревал двигатель машины и ждал Надежду. Он курил, поглядывал то на часы, то на редкую цепочку людей, появлявшихся из дверей. Заметил похожую женскую фигуру, шагнул было вперед и отступил – обознался...

Андрей смотрел на нее, улыбался, как всегда, и не торопил, угадывая ее состояние.

Надя наконец села, с трудом захлопнула широкую дверцу.

– Ты мог бы позвонить, – проговорила совсем не к месту.

– Я опоздал? – с усмешкой спросил он.

– Нет...

– Ну тогда здравствуй!

– Здравствуй, – несколько отчужденно отозвалась Надя.

– Устала?

- Есть предложение?
- Да, съездить в одно место.
- Если танцы, то мне нужно переодеться.
- Он запустил двигатель.
- Нет, сегодня у нас другая программа.
- Тогда вперед.
- Почему ты не спрашиваешь, куда поедем?
- Надежда устроилась поудобнее, пристегнулась ремнем.
- Это для твоей же безопасности.
- Милиционер у дверей почему-то отдал честь...

Камера стояла в пустом зрительном зале, а на сцене шла рядовая, не костюмированная, репетиция мюзикла.

Надежда и режиссер сидели рядом в зале.

Оператор отснял эпизод, развернул камеру на режиссера и корреспондента. Подал знак. Надежда говорила в микрофон:

– Мы с детства знаем прекрасную повесть Вениамина Каверина «Два капитана». Мюзикл по мотивам этого произведения – дань моде или вы угадываете зрительский интерес? Ведь речь опять идет о войне.

Режиссер выглядел несколько напряженным.

– Наш спектакль не только о войне. Прежде всего это повесть о мужестве, о долге, чести и достоинстве. Наконец, это поэма о любви. Мы хотим поговорить со зрителем о великом и вечном, о том, что не подвержено вкусам или влиянию моды. Наши актеры поют и говорят стихами, потому что только так можно выразить эти чувства и найти прямую дорогу к сердцу зрителя. Война и любовь – вещи, казалось бы, несовместимые, взаимоисключающие друг друга, но именно в их противоборстве проявляются все главные качества человеческого духа...

На последних словах режиссера камера скользнула по пустому залу к сцене, где шел кульминационный эпизод спектакля...

Надежда монтировала сюжеты для новостей и видела этот отрывок уже на мониторе. Ей что-то не нравилось в размышлениях режиссера, в словах о войне и любви; хмурясь, она снова и снова прокручивала этот отрезок.

И потом, когда она ехала в полупустой электричке и опять вспоминала ту их встречу, эти слова рефреном звучали в сознании...

Зимнее ночное шоссе укачало Надежду, и она задремала, изредка открывая глаза. Машина то поднималась в гору, то спускалась с крутого подъема, проплывали слепящие фары встречных автомобилей, мелькнул указатель – Владимирская область. Андрей сидел за рулем, будто влитой, молчал и был отчего-то не улыбочивым, сосредоточенным.

Свернули с трассы на заснеженную и пустынную дорогу, которая окончательно убаюкала Надежду.

Но едва машина остановилась, она проснулась.

У редких фонарей за окном тревожно метались снежинки, какой-то поселок в сугробах, собачий лай.

– Где мы? – спросила Надя настороженно.

– Деревня Головино, – невесело обронил Андрей. – А река, знаешь, как называется?

Вольга. Все богатыри отсюда родом.

– А мы что будем здесь делать?

– Сейчас пойдем в гости.

– К кому?

– У меня друг погиб. Ликвидировали ЧП, разбирали завалы... В общем, Володьку накрыло... Здесь живут его родители.

– Какие завалы, Андрей? – испуганно спросила Надежда.

– Взрыв бытового газа, подъезд обрушился.

– А почему ты там оказался?

– Потому что работаю в МЧС.

– Теперь понятно... А это удобно – среди ночи?

– Другого времени не будет. Мне надо кое-что передать.

Андрей взял сумку, и они вышли на улицу.

В деревянном доме света не было, ветер гнал с крыши снег, заметало калитку и крыльцо, со скрипом качался фонарь – казалось, это давным-давно брошенное жильё...

– Здесь же никого нет, – бессильно проговорила Надя.

– Есть, – возразил он. – Видишь, дым из трубы?

– Значит, спят.

– Они не спят...

Увязая, с трудом пробрели по снегу и взошли на крыльцо. Андрей постучал. В тот же миг в окнах загорелся свет.

– Кто? – спросили из-за двери.

– Это я, дядя Паша, – отозвался Андрей.

– Сережа! – Дверь открылась. – Сережа приехал!

Надежда старалась скрыть недоумение.

Рослый, крепкий старик с седой щетиной и острым взглядом провел их в дом и только здесь обнял Андрея, после чего взглянул на Надежду, вежливо поздоровался.

– Раздевайтесь, проходите.

Навстречу из комнаты вышла пожилая женщина в выцветшем цветастом халате, в платке на плечах, кинулась к Андрею и уж было заголосила:

– Ой, Сереженька...

Но дядя Паша оборвал причет, произнеся негромко и властно всего одно слово:

– Валентина. – Затем добавил тем же тоном, но с тончайшей и какой-то трепетной лаской: – Собери-ка на стол, гости у нас.

И тем самым как бы оторвал ее от чего-то тщательно скрываемого горького, переключил на обычные хлопоты.

– Это Надежда, – коротко представил Андрей и усадил ее на старый венский стул.

И хотя горе томило, угнетало и горбило стариков, Надежда чувствовала, что оба заметили ее, приласкали взглядами, из посторонней сделали своей.

– Ну как ты, тетя Валя? – спросил Андрей.

Та накрывала на стол и только махнула рукой:

– Да я-то ладно. Неделю полежала и снова на ногах...

– Позавчера из больницы выписали, – сообщил дядя Паша. – Опять уколов наширяли, ходит...

– Поедете в санаторий, – строго сказал Андрей. – На два месяца, оба. И не спорьте. Я распоряжение привез.

Старики переглянулись.

– Ой, Сереженька, да какой санаторий? – запричитала тетя Валя. – У нас же коза, кролики, пчелы...

– Поедем, – решил дядя Паша. – С пчелами до весны ничего не делается, а козу и кроликов побоку.

– Как побоку? – испугалась тетя Валя, но сразу же замолчала.

– Нам надо обстановку сменить. – Дядя Паша разлил водку в рюмки. – А то мы тут вдвоем с тобой досидимся... Раз государство дает возможность, надо ехать. Ну что, чокаться не будем. Вечная память. – И выпил махом.

Андрей лишь пригубил и поставил рюмку.

– А ты что, Сергей?

– Я за рулем, дядя Паша. Мне бы чаю.

– Вы что же, сейчас и назад? – ахнула тетя Валя, снимая чайник с плиты. – И не переночуете?

– Я к вам в санаторий приеду, – пообещал Андрей и открыл сумку. – Простите, что все так неторжественно... Сами понимаете. – Он достал коробку и встал. – Вот, Павел Анисимович и Валентина Васильевна, передаю вам на хранение. Все документы... Мой совет: спрячьте подальше, пока беспокойно. Никому не показывайте.

Дядя Паша принял коробку, зачем-то пожал руку Андрею. А тот вынул бумажный пакет и положил на стол.

– Здесь деньги и банковские документы. Разберешься, дядь Паш.

– Разберусь. – Старик приоткрыл коробку и что-то там рассматривал, не смея прикоснуться. – Елки-моталки, да когда же он успел? И ведь ни слова...

– Он все успел, дядь Паш...

Тетя Валя прикрыла рот концом платка, готовая расплакаться, но наткнулась на строгий взгляд мужа и застыла.

Андрей подвинул к ней сумку:

– Тут личные вещи, тетя Валь...

Старик бережно поставил коробку, налил водки.

– А что же твоя Надежда не выпила? – спохватился он. – Кто у вас за рулем? Ну-ка до дна!

Хотел еще что-то сказать, но покосился на жену и промолчал – может, чтоб не вызвать ее слез...

На пустой платформе «Соколово» сидел и скулил фокстерьер. Мелкий дождь собачьей тоске не мешал, а придавал содержания.

Но грохот электрички преобразил пса в одну секунду. Он заметался по сторонам, залаял в предчувствии громадного счастья.

Надежда вышла из вагона, раскрыла зонтик, и в тот же миг из мороси с заливистым лаем выскочил к ее ногам Граф.

Он присела, обняла собаку, заговорила радостно:

– Ты меня встречаешь, Граф! Почувствовал! Ах ты, мой родной пес! Соскучился по маме, да? Долго не приезжала?

Пес трясся от возбуждения, взвизгивал и мазал грязными лапами кожаный плащ.

Из темноты выступил отец в гремящем мокром дождевике и с длинной палкой.

– Ушастый все вечерние электрички встречает, – доложил он. – Каждый день сюда ходим... А ты сегодня даже с зонтиком!

Надежда поцеловала очень сдержанного на ласки отца, свернула свой зонтик и взяла пса на руки.

– Ты на лапы-то его посмотри!

– Ничего, отмоемся!

Потом, на даче, уже отмытый, Граф сидел на коленях Надежды, положив голову на стол, – ужинали втроем.

– Ты мне Швырева привезла? – вспомнил отец.

– В следующий раз обещали. Но зато нашла Маркеса.

– Уже хорошо... «Осень патриарха»?

- Нет, «Сто лет одиночества».
- Это я читал... Но еще раз не помешает.
- Пап, ты, может, переберешься домой? – безнадежно попросила она. – И сам будешь ходить в библиотеку...
- Перебраться? – вдруг спросил тот. – Надо подумать...
- Хотя бы на осень, пап. А то в деревне холодно, сыро.
- Что мне – холодно?
- В городе зимой лучше, печь не нужно топить!
- Печь топить – хорошо...
- А снег чистить? Когда заметет?
- Я ведь знаю, отчего ты меня уговариваешь, – не глядя на дочь, прямо сказал старик. – Тебе одной тоскливо в квартире сидеть.
- Тоскливо, пап...
- Поэтому дома не ночуешь?
- Вопрос прозвучал довольно резко и неожиданно, Надежда насторожилась.
- Как ни позвоню ночью, так нет... – после паузы продолжал отец.
- А почему ты звонишь ночами? Не спится?
- Кому не спится, так это тебе. И где только носит? Или прячешься от кого-то? Телефон вечно выключен.
- Скорее от себя, пап...
- Все еще развязаться не можешь? С этим? – Он кивнул на телевизор. – С военным корреспондентом?
- Давно развязалась...
- Что же он звонит?
- Кому? Тебе?
- Мне, мне! Сегодня опять спрашивал... – Игорь Александрович постучал вилкой по столу. – Надежда! Не смей уводить чужого мужа из семьи! Я тебе не раз уже говорил: как ты поступишь с его женой, так поступят и с тобой.
- Надежда обняла собаку, села рядом с отцом и положила голову ему на плечо – он даже не посмотрел в ее сторону, однако гнев угас.
- Папа... у меня две новости.
- Ну?
- Я увольняюсь из Останкино.
- Из-за него? – сурово свел он брови.
- Нет, по собственному желанию. Иван тут ни при чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.